

№ 26

Цена 20 коп.

**О ПРЕМИЯХ
И ПРИЛОЖЕНИЯХ
К ЖУРНАЛУ**

„ВОКРУГ СВЕТА“

Подписчики участвуют в розыгрыше следующих премий:

3 радио-аппарата.	12 пар буц.
3 фотографических аппарата.	12 пар лыж.
6 велосипедов.	30 пар коньков.
10 самопишущих перьев.	30 рыболовных наборов (лески, поплавки, крючки, сачки, переметы и т. п.).
10 кошельков-портмоне.	100 перочинных ножей (с несколькими лезвиями).
12 карманных часов.	
12 футбольных мячей.	

3 поездки: КРЫМ, КАВКАЗ, УРАЛ (билет и деньги на дорогу) лучшим распространителям журнала.

~~~~~ Все подробности даны в № 2. ~~~~~

ПРИЛОЖЕНИЯ на 1927 год:

6 книг: „ПО СУШЕ, МОРЮ И ВОЗДУХУ“.

(Содержание этих книжек — ряд увлекательных путешествий и всевозможных приключений во всех уголках мира).

2 книги: Т. Бриджес „КНИГА ОТКРЫТИЙ“.

(Живое и увлекательное повествование о том, как человек постепенно «открывал» свою землю с самых седых времен до настоящего времени).

4 книги: Марк Твэн „ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТОМА“.
„ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФИННА“.

(Эти блестящие произведения американского писателя даются в новых переводах и с совершенно новыми иллюстрациями).

1 книга: Ж. Тудуз «ПОХИТИТЕЛЬ ГОЛЬФШТРЕМА».

(Увлекательный роман, описывающий состояние земли после умысленно вызванного изменения Гольфштремом своего течения).

1 книга: А. Тиаден ТРЕСТ „АТЛАНТИДА“.

(Война Европы и Америки из-за поднявшейся из глубины океана Атлантиды).

1 книга: „ПОБЕГИ РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ“.

К 10-летию ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

(Богато иллюстрированный сборник, который расскажет читателю о том, какими разнообразными путями удавалось революционерам разных стран бежать из ссылки или из русской, немецкой, французской и т. д. тюрьмы).

1 книга: „СОВРЕМЕННАЯ АНГЛИЯ“.

(Альбом художественно исполненных картин и видов, иллюстрирующих жизнь Англии в наши дни).

1 книга: „ВЕЛОСИПЕД“. Устройство, езда, уход.

(Настоящая книга для всякого начинающего и даже старого уже велосипедиста. Описаны все последние модели и все последние усовершенствования. Даны и чисто спортивные сведения).

Условия подписки:

С приложениями:		Без приложений:	
На один месяц	— р. — к.	На один месяц	— р. 40 к.
„ три месяца	2 „ — „	„ три месяца	1 „ 10 „
„ шесть месяцев	3 „ 80 „	„ шесть месяцев	2 „ 20 „
„ двенадцать месяцев	7 „ — „	„ двенадцать месяцев	4 „ — „

Подписку адресовать: Ленинград, Фонтанка, 57, Изд-во „Красная Газета“

ЖУРНАЛ
ПУТЕШЕСТВИЙ,
ОТКРЫТИЙ,
ИЗОБРЕТЕНИЙ,
ПРИКЛЮЧЕНИЙ.

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Лер. Фонтанка, 57.

„КРАСНАЯ ГАЗЕТА“.

Тлф. 175-38.

Вокруг Света

№ 11

1927 г.
ИЮНЬ
20

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Содержание: В. Тик. „Старые и новые“ (Союз молодых). — М. Каштейн. „Шесть страусовых перьев“. — В. Доброхотов. „Мнимый изобретатель“. — К. Хайн. „Крейсер донны Хлотильды“. — Т. Эванс. „Возмездие Тульбаш-Хаха. — Лесник. „У воды“. — А. Дюперрок. „О дыхании“ и т. д.

ИЗ ТЬМЫ ВРЕМЕН

Мы уже расстались теперь с ошибочным взглядом на наших далеких предков, как на людей, которые не в пример нам отличались железным здоровьем и почти незнакомы были с изнуряющими нас заболеваниями.

На проверку же оказалось, что болезни далеко не щадили даже и доисторического человека. Увы, он, как и мы, подвержен был частым заболеваниям, страдая расстройствами желудка, болезнями кожи, лихорадками и т. д. Мало того, пещерный человек особенно мучился болезнями костей; в частности его зубы едва только выдавались из десен: так разрушало их пожирание обычно сырой и всегда плохо изготовленной пищи. А в связи с зубами страдали и челюсти. Словом, доисторический человек, как убедительно показывают его многочисленные костяки, не был избавлен даже от таких наших ужасных болезней, как рак или сифилис, хотя последний гнезился первоначально в одной Америке.

Страдающий человек всегда искал и ищет избавления от своих страданий. Так зарождается первобытная медицина, те странные и нередко чудовищные способы лечения, которые продолжают частично существовать во всех частях света и которые не вывелись окончательно даже среди культурных народностей Европы.

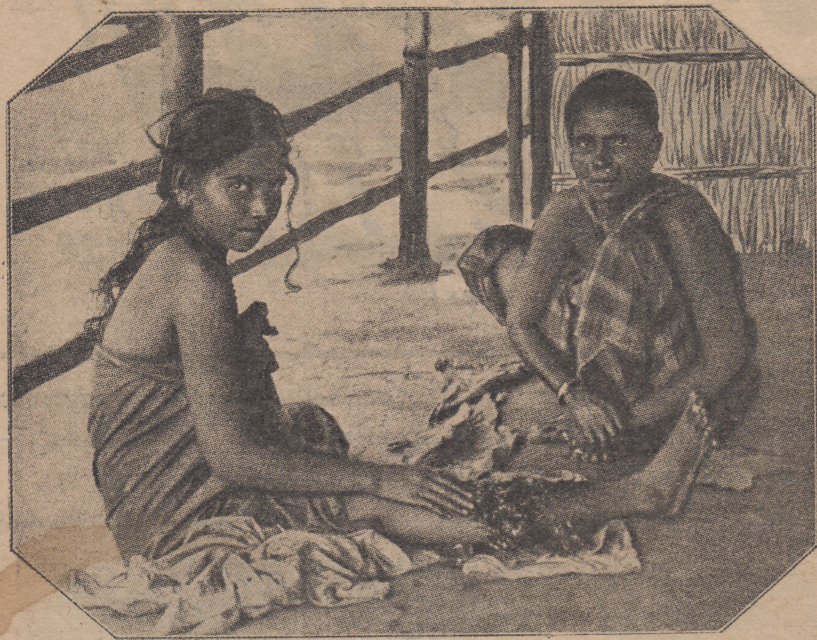
Помогала ли раньше и помогает ли теперь эта первобытная медицина различным отсталым и диким племенам? Ответ двоякий: и да, и нет. Да, помогала, поскольку различные народы вкладывали в свое лечение тысячелетний опыт своей жизни, своего практического знакомства с целебным действием различных трав, припарок и т. д. Нет, поскольку первобытное лечение связано было с верой в существование добрых и злых духов. Ведь нельзя же думать, чтобы изображенный на нашем рисунке умалишенный выздоровел только от того, что он лежит привязанный к бревнам под священным деревом.

Лечение душевнобольного в Того (Африка).

О ПЕРВОБЫТНОМ ЛЕЧЕНИИ

Знахарка в Индии при наложении повязки из листьев.

Странными или нелепо-дикими кажутся нам многие приемы лечения у первобытных и диких народностей. Действительно, если бы вы лежали с высокой температурой от воспаления легких, а собравшиеся около вас родные и знакомые подняли самый оглушительный вой, чтобы избавить вас от болезни и поставить здоровым на ноги, то подобный метод лечения едва ли бы вам пришелся по душе.

А вот другой пример: ваш ребенок весь осунулся и начал хиреть, а вы ставите его на солнце и начинаете от отбрасываемой им тени выковыривать ножом «насланную» на него болезнь.

И, конечно, такие способы лечения нелепы и преступны, но только для культурного народа. Дикие же племена по своему праву, когда прибегают к таким средствам лечения больного человека. Они не признают смерти, как естественного конца человеческой жизни. Смерть и болезнь всегда для них результат чьих-нибудь злых действий и происков. Болезнь «напускается» на человека, она входит в него и до того мучит, терзает живущую в его теле душу, что та без оглядки бежит и оставляет надолго служившее ей убежищем тело. Если душа не вернется сама или ее не удастся вернуть силой, больной обречен на смерть. Такие взгляды распространены решительно по всему земному шару. Болезнь — это не естественное расстройство в работе нашего организма, а какое-то живое отдельное существо, особый самостоятельный дух.

Понятно, что такому взгляду на болезнь соответствуют и особые способы ее излечения. Болезнь можно как-нибудь заставить и запугать, чтобы она, утраченная, выскочила из больного тела и совсем оставила его; отсюда дикое пение, иступленные крики у постели больного. Болезнь можно умиловать мольбой и жертвоприношением, тогда она «по хорошему» оставляет больного; отсюда все заговоры, заклинания и т. д. Можно справиться с болезнью и в том случае, если удастся заставить ее обратное или силой вернуть в оставленное ею тело. Стоит человеку неловко зевнуть или неудачно чихнуть, как душа его может вылететь, а залететь

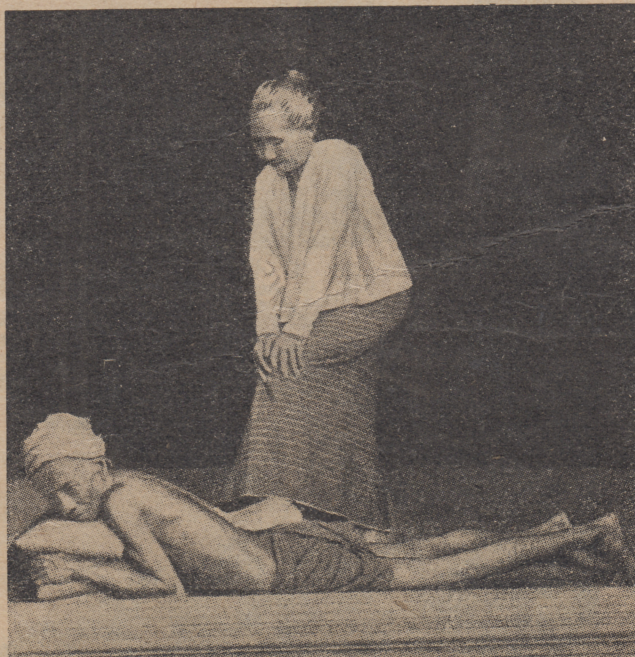

Фетиш, отпугивающий болезни, на о. Целебесе.

в тело какая-нибудь злая хворь. Во избежание таких скверных и опасных неожиданностей, полезно носить всевозможные амулеты, особенно же пригодны для этого когти, зубы и рога животных, т. е. те именно части, которые способны навести страх на болезнь, как на злого духа. Конечно, амулет может изображать и какого-нибудь доброго духа, который может отвести от носящего его всякую напасть.

Такова одна сторона первобытной медицины, сторона безудержной фантазии и практической беспомощности всевозможных фетишей и заклинаний. Но есть в ней и другая, здоровая часть, которая в значительной мере перешла и продолжает переходить в научную медицину. Люди прожили не одно тысячелетие и за это очень долгое время у них накопился довольно большой запас всевозможных наблюдений над целебным действием различных трав, припарков, растираний и т. д. Наши рисунки и воспроизводят эту «народную» медицину, которая продолжает существовать в различных уголках мира, в том числе и среди русского крестьянства.

Правда, даже в своих целебных средствах всевозможные знахари и знахарки не обходятся без целого ряда суеверных обрядов, различных заговоров и т. д. Так, напр., «траву надо брать умеючи», с особыми «словами», иначе растение может либо утратить свои целебные свойства, либо просто не дасться в руки. Одну траву следует брать голый рукой, другую — обязательно обернутой; одну траву можно достать только на Иванов день и лишь через серебряный перстень, а другую нужно брать на самой заре у воды. Много есть и таких чудесных трав, которые одарены даже и человеческой речью. Удивляться такому странному взгляду на растения не приходится: в воображении дикого и малокультурного человека у дерева и растения точно также есть своя особая душа.

Не очень нежно, но зато надежно: массаж ногами от ломоты в пояснице.

Рис. худ. И. Королева.

Содержание первой части.

На дальний север, на берега Колымы забросила судьба политического ссыльного, Викентия Авилова. Поселившись в заимке Веселой, он все чаще и чаще заглядывается на местную туземную девушку, которую за смелую и удачную охоту прозвали «Ружейной Дукой» (Дука — искаженное Ду́нка).

Девушка и сама не остается равнодушной к могучему и молодому Авилу, но именно потому и сторонится от него. Однако, несчастный случай во время охоты на переплывавших реку лосей (раненый зверь опрокинул лодку Дуки) дает Авилу возможность спасти охотницу, которая и становится его женой.

Уже несколько лет прожили Викентий и Дука в дружной, совместной работе, пока не грянул неожиданный гром: 1905 год. Политические потянулись с дальнего севера к родным местам, вместе с ними ушел и Авил, оставив Дуку вместе с сыном, в честь отца названным также Викентием.

В безысходной тоске Дука заперлась у себя и всякую работу бросила. Только удачная схватка с поднятым ею из берлоги медведем снова приводит ее в самое себя. Теперь она живет для своего сына, которого то жарко обнимает, то сурово отталкивает: мальчик похож на отца. Наконец, пробил и Дукин час: в дальней охотничьей поездке ее ветром уносит на льдине, а восьмилетний мальчик-сирота вместе с бабушкой Натахой переселился в Средний (Средне-Колымск).

Люди голодали; как взрослые, так и дети. «Голодный конец» завистливо смотрел на другую сторону речки, где жили богатые торговцы. Наконец, происходит первая на реке Колыме экспроприация: тщедушный Пака забирается в амбар купца Макарьева за рыбой для своих голодных детей. Хотя Паке не удается унести добычу, но следовавшие за ним колымские ребята хорошо использовали открытый Пакой амбар.

Обильный 1914 год у всех поправил дела на Колыме. Но затем грянула война и задушила всю якутскую торговлю. Никто не приезжал за рыбой и пушниной, никто не привозил чаю, табаку, сахару и т. д.

В 1918 г. дезертировал у колымчан исправник, а вместе с ним и прочие чиновные люди. Откуда-то пошли новые веяния, выразителем которых явился батрак Митька. Он вдребезги разругался со своим хозяином, Макарьевым, и уходит с его двора, вместе со своей Мотькой.

Часть вторая.

СОЮЗ МОЛОДЫХ

ГЛАВА IX.

Митька и Мотька приютились на Голодном Конце у безносого Кирши Токарева. И на другой день по Голодному Концу поползла удивительная весть.

Митька созывает колымских в полицию на митинг. Всех созывает вообще, казаков и мещан, якутов и всякого народу.

— А чего это митин? — спрашивали не только на Голодном Конце, но и в богатом углу, вблизи полицейского дома.

И знающие люди объясняли: Митька созывает — потому оно митин.

В полдень полицейская усадьба переполнилась народом. Места в избе не хватало, люди толпились на улице. С тех пор, как стоит Колымск, это было первое

народное вече. Даже в церкви на пасху ни разу не сходилось столько.

Исправнический зальчик, в котором некогда веселые ноги кавалеров и дам откалывали лихо вальс-казак и ланцу (лансье), был набит битком. Колымчане следили друг за другом с некоторым изумлением. Откуда взялось столько? В городе было восемь десятков домов и населения пять сотен, не больше. К тому же средние люди по достатку и по возрасту, и даже молодняк постарше были на дальних тонях. В городе остались старые да малые, нищие, больные, бедняки. Остались и купцы, неотступно сторожившие спрятанное добро. Были якуты из ближайших поселков, которые тщетно старались достать хоть осьмушку кирпича. Чайный кирпич резали на восемь частей и за осьмушку брали по два горностая, и то в виде милости.

Бабы, старухи и мальчишки переполняли митинг. Группа подростков с Викешей во главе, это зерно будущего комсомола, протолкались вперед и жадными глазами смотрели на зеленое сукно, покрывавшее казенный стол, широкий и пузатый.

Старухи теснились значительной, плотной группой. На сборище вообще замечалось расслоение участников по разным признакам, по возрасту, по полу, по богатству, по городским концам и даже, наконец, по болезням.

Сифилитики, «больничные» и «вольные», держались особо.

Колымчане вообще к сифилису относятся терпимо: — Больного не кори! Бог накажет и рога привяжет.

Но эти были ужасны. У них приходилось на восемь человек всего два с половиной невыеденных носа. Больничные совсем потемнели и засохли от голода. С начала разрухи их кормили недостаточно и скудно, хуже, чем упряжных собак.

Только прокаженных не хватало. Их панически боялись и им не позволяли выходить из больницы на свет.

Зальчик состоял из двух половин, соединенных аркой. А по самой середине была ступенька предательского свойства. Эта ступенька представляла удобство для официальных приемов, поднимая начальство над толпой обывателей, как-будто на эстраде. Но во время танцев она была камнем преткновения для самых бойких пар и не раз подставляла им подножку и валила их на землю в самом живописном и разливчатом коленце.

Спереди были поставлены скамьи. Задние стояли.

Маленький Трепандин и тяжелый Еким Катериныч сидели за столом на эстраде, изображая правительство. Они чувствовали себя не особенно уверенно, особенно старый Трепандин. Узенькие глазки его все время перебегали по странной колымской толпе. И, правда, в толпе понемногу поднялся ропот, сперва смутный, а потом совершенно явственный.

— Мука!

Овдя Чагина, корявая, язвительная баба, напомнила Екимше Командиру о сомнительных прошлых делах.

Действительно, вышло неловко: сторожами при казенном имуществе стали заведомые, патентованные казнокрады.

Арсений Дауров, жилистый, косматый старик в ровдужной ¹⁾ куртке и дырявых тюленьих обутках, не стал больше сдерживаться.

— Клади булаву! — крикнул он хриплым басом. Неизвестно откуда и как он откопал в глубине своей памяти этот прадедовский старо-казацкий призыв.

— Какую булаву? — спросил Катериныч испуганно.

Митька протолкался вперед, и уверенно влез на эстраду.

— Вот что, — сказал он решительно, — печать положи!

Печать положи!

Трепандин беспрекословно вынул из кармана казенную печать и положил на стол.

— Казну и товары опосля сдадите. А теперь пошли отседова к матери!..

Толстый Екимша замялся.

— А этого хошь?

Митька с какой-то особой веселой готовностью подсунул к Екимшину носу свой жилистый темный кулак.

— Тоже сторожа... Прочь, гады!

— Объявляю, открываю этот митинг!

— Слушайте меня, старики!

Это было обращение традиционное, но не вполне уместное. В переднем ряду толкались мальчишки, безусые, с веселыми глазами, ничуть не похожие на стариков.

— Горожана!

Это был более понятный вариант еще непонятного нового слова: граждане.

— Как будем жить сей год? Рыбы недолов. В сети корова пролезет. Купить-продать нечего. Сами не пьем ²⁾ и не курим. Как будем жить?

¹⁾ Ровдуга — местная замша.

²⁾ Не пьем — чаю.

Митьке в ответ раздались вздохи старух, перешедшие в всхлипывания. Тяжко горожанам было жить без пойла и без курева. И вздохи сгустились и стал буйный ропот, родивший единственное слово: «табаку»!

— Трубки искрошили под курево! Табачные дощечки искоблили. Табаку, табаку!

Весь митинг повторял это единое слово. Сифилитики, иссохшие от голода, вышамкивали тоже своими изуродованными ртами: «Табаку!»

Это было, как в древней сказке про заморскую торговлю на далеких островах в Океане, где все живое, и люди, и духи, и невидимые призраки, и ветер в облаках, и рыбы в подводных глубинах, зывали к подъезжающему гостю: «Табаку, табаку!»

— Пальцы ли нам зажигать, да курить? — вопили старухи. — Другие вон курят!..

Костлявая Чагина вскочила и уставила длинный, прямой обличающий палец в левый угол. Там на передней скамье сидело семь человек, степенных и гладких, задумчивых и молчаливых. То были колымские торговцы — «большие люди».

Сидевший с краю Ковынин, маленький, рыжий, сухой, повязанный бабьим платком, ответил Овде злым и испуганным взглядом. Палец ее выдавался вперед, как копые.

— Шаманка проклятая, — визгнул Ковынин голосом тонким, совсем как у старухи. — Колотье наводишь на меня. Чтоб ты сама усохла.

Русские на Колыме имели своих шаманов, не хуже, чем туземцы. И каждый шаман мог напустить болезнь и колотье не только на человека, но даже и на духа. Выставленный палец обращался в копые и насквозь пронзал обреченного незримым острием.

— Ты, небось, куришь! — кричала неугомонная Овдя. Другие старухи тоже вскочили и уставили в левый угол такие же костлявые обличительные пальцы. Это, действительно, было похоже на шаманское заклинание.

— Курите, пьете (чай)! Жирок лопаете! Все у вас есть! — визжали они истступленно.

— Слышите, общество! Они нашу жизнь спрятали, смерть нашу выпустить хотят. Кровососы, людоеды.

Направо мужики с Голодного Конца завопили густыми голосами: — Гады, воры!

Напротив одутловатый сифилитик успокаивал толпу: «Буде, буде!» Выходило у него гнусаво, на м, так что нельзя и напечатать.

Митька схватил шумовку, лежавшую на столе, в виде дирижерского жезла. Ее прихватила Матрена. Она стряпала в своем жалком очаге кашу из древесной заболони. Если хорошо уварить это свежее дерево, то глотать ничего, можно. Только надо постоянно мешать мутовкой и шумовкой, чтоб варево не пригорело.

Как Митька ее кликнул, Мотька успела отставить котел от огня, а шумовку в попытках прихватила с собой, и, не зная куда девать ее, положила на стол перед Митькой.

Теперь она ему пришлась кстати. Он схватил ее за деревянный хвост и стукнул по столу. Головка отломилась и с треском отлетела вперед на толпу, как будто граната.

— Тихо! — крикнул Митька. — Слушайте.

Крики затихли. Все ожидали, что скажет Митька. Но Митька только повторил: — Слушайте, тихо!

— К вам говорю, купцы! — пояснил он, наконец, тыкая влево своим обломанным жезлом.

— Слышите вы, как общество плачет? Объели вы его и оппили. Слушайте и думайте.

У старого Даурова в его неистощимой исторической памяти проснулось другое впечатление: вместо атамана с булавой — посадский голова с мощной.

— От стариков слышал, — сказал он туманно, — случалось, беда, купцы помогали обществу, кто сколько.

Настало тягостное неловкое молчание. Так, должно быть, было в нижегородской сборне, когда Минин Сухорук призывал торговцев к пожертвованиям, а они пыжились и пыхтели и никто не хотел выступить первым.

Карамзин, как известно, утверждает, что будто купцы кричали: «Заложим жен и детей и выкупим отечество!» Но ведь это легенда, парад. На деле, очевидно, и в Нижнем на Волге было не лучше, чем в Среднем на реке Колыме.

Все глаза, как по уговору, уставились в Макарьева. Он был купеческий козел-коновод.

— Даю, жертвую! — проговорил Макарьев отрывисто.

— Сколько? — мелькнул мучительный вопрос в уме. — Мало нельзя. Время такое, побьют. А много, так еще страшнее. Скажут: взаправду, кровосос. Вот сколько припрятал добра.

— От последнего даю! Табаку десять (папуш), чаю пятнадцать (кирпичей). Платки, сахарок...

Общество молчало. Он как раз угодил. Дал мало, всего рублей на шестьдесят, но как раз столько, чтоб общество не взбесилось от злости.

Соседи его тоже молчали.

— Поддержите коммерцию! — обратился он с кривою усмешкой в сторону Ковынина. — Не я один.

— Тоже даю! — сказал один, потом другой. — Чай десять, табак пять, платки десять.

Торговцы выкрикивали названия и цифры колымской торговой валюты.

Лица у общественных стали разглаживаться.

— Покурим, — сказала Чагина с лихорадочной веселостью и облизнула губы.

Табаку и чаю в общем собралось достаточно.

— Пойдите, — перебил эту радость настойчивый Митька.

— Старухи, старики, послушайте, что я вам скажу. Не нас надо пожалеть, наших маленьких деток. Голодные будут сидеть. Не нам пить и не нам курить... В чукчи надо ехать, оленей колоть, мяска натаскать. Вот, что я скажу.

— Ах! — заревели старухи. Обещанное угощение только показалось и уже угрожало уйти от ртов и носов.

— Стыд поймите, — уговаривал Митька. — Дети наши — самое, что есть дорогое. Опустеют дома наши. Кого будем кормить? Для кого будем жить? Подумайте, общество!

Он задел у общественных самые чувствительные струны. Дети на Колыме ценились дороже всего, даже дороже питья и курева. Мерли ребята, как мухи. Были постоянно бездетные бабы и бездетные дома. И население с трудом держалось на прежнем уровне и давно перестало расти. Тем более чуткий инстинкт повелевал хранить эти скудные, быстро гаснущие человеческие искры.

Старухи заплакали в голос.

— Бери, отдаем! Твоя правда, бери! Для маленьких, для внуков, для детей!

Митька махнул жезлом и общество опять замолчало.

— Слушайте, общество, что я скажу.

— С той капелькой, что дали эти жилы, разве поедешь к чукчам? На смех, да на стыд... Однодневно собак не прокормишь.

— Слушайте, купцы. Я буду говорить. По общественной раскладке приходится с тебя, Макарьев, табаку сума, чаю место, жидкой ведро, платков сотня, сахару голова, — высчитывал он безжалостно.

Купцы ахнули и взвыли. Сума — три пуда табаку, место — пятьдесят кирпичей чаю. И даже, о горе и ужас, целое ведро жидкого золота, спирту. Это была контрибуция неслыханная и нестерпимая. Но Митька громовым голосом заглушал галдеж и гам, выкрикивая страшные цифры.

— С Ковынина пуд табаку, чаю полместа, жидкой полведра.

— Не дадим! — взлаял Макарьев, — столько не дадим! Облопаетесь, черти!

— Компания, иди! — сказал он по казацки, обращаясь к товарищам.

— Пойдите, — сказал спокойно Митька. — У нас тоже есть компания.

— Ребята, вперед!

Вышли вперед восемь мальчиков подростков и с ними шесть девченок. Тут были Викеша, Андрей и другие. Они до сих пор сидели смирно и на них никто не обращал внимания. Но теперь они сразу вышли вперед и стукнули об пол прикладами. И общественники увидели с удивлением, что у них были ружья, правда, не у всех, а только у четверых. Ружья эти были казацкие, брошенные служилыми казаками в сборне. В самый час митинга мальчишки заглянули на сборню и разобрали ружья, лежавшие совсем на виду.

— Слушайте, воронья охрана, — сказал Митька чуть насмешливо. — Присмотрите за этими гадами, чтоб, как общество сказало, так было сделано.

— Мальчишков натравивашь на нас, — кричал Макарьев вне себя. — Кто они такие, недопески!

— А ты пес! — подал свой голос впервые Викеша-казаченок.

Недопески — молодые, не дошлые песцы. Песцы бывают вольные, а псы ездовые в ошейниках. Друг против друга выступали здесь две близкие, но враждебные породы.

— Ратуйте, кто в бога верует, — закричал неожиданно Макарьев.

Общественные засмеялись.

— Не любишь, — сказал Митька язвительно. — Ничего, слобится.

Лицо Макарьева замкнулось и стало упрямо.

— Столько у меня нету, — сказал он твердо. — Хоть режьте меня.

— Ничего, мы найдем, — успокаивал его Митька. — Я знаю, где ты прячешь, — прибавил он значительно.

— Слухай, воронья охрана! Завтра поутру зайдите, да взыщите. Вот с него первого. Товару не дадут, тащите самих. Мы их самих повезем до чукок и поколем на мясо.

— Теперь ступайте отсель! — спокойно и жестко предложил он купцам.

Так кончился на Колыме первый митинг. «Сбор Митин», — как называли его потом в рассказах и песнях. Ибо местные поэты тотчас же сложили песню об этом бурливом и памятном сборище.

Придите вы на Митину,
Богаты мужики!
А я из вас повытану
Чай да табаки!

Открылся на Колыме Октябрь в июле 1918 года.

ГЛАВА X.

Рано поутру в стеклянное окошко полицейского дома постучала торопливая рука торговца Макарьева. За стеклом показалась широкая рожа Дмитрия Реброва, вчерашнего батрака, а ныне, пожалуй, Колымского диктатора. Он, кстати, и домой не ушел в свою закоптелую хибарку на Голодном Конце, а остался в квартире исправника вместе со своей «очелинкой» Матреной. Запасов у исправника не было, жрать было нечего, но постель оставалась такая же барская, как была и в прежние дни.

Итак они легли на это господское ложе. Митька заменил его высокородие, а одна очелинка Матрена заменила другую очелинку, барскую барыню, Пелогу.

Митька ответил Макарьеву на стук стуком и махнул рукой, что означало с очевидностью: «Сейчас выйду».

Через минуту он показался у ворот. Был он в исправничьем кителе с ясными пуговицами вместо своей варваретовой куртки, но голову покрыл не форменной фуражкой, а тем же старым меховым шлыком. Штанов на нем не было вовсе. Митька, таким образом, с первого дня переворота явился санюлотом.

В качестве зачинщика Митька открыл на Колыме тот своеобразный водевиль с переодеванием, который всегда сопровождает революцию. На Колыме этот водевиль начался с первого дня. Лишней одежды на Колыме мало, каждый казачий мундир или яркая пуговица имеют свою цену. На худой конец их можно обменять ламутам или чукам за шкуры и за мясо.

— Что рано? — спросил Митька раннего гостя. — Заказы принес?

— Забрали! — прокаркал Макарьев каким-то заданным голосом. — Эти кулюганы твои, недопески или как...

— Так ведь я им велел! — спокойно возразил Митька.

— Да они не тебе повезли! — задыхался Макарьев. — Взяли, потащили через мост на Голодный Конец.

— Зачем на Голодный Конец? — недоумевающе спросил Ребров.

— Маленький, не понимаешь! — с горькой насмешкой сказал Макарьев. — Жидкую тоже, табачек... «Погуляем!» — говорят.

— Фью! — Митька от удивления даже свиснул. Потом помолчал, засмеялся и сказал:

— Эка, елова голова.

Это было самообращение. Митька разговаривал с Митькой. Он даже ладошкой похлопал по собственному лбу для пушей наглядности.

— И как это он проворонил и сам не догадался наперед. Нет, видно, устраивать бунт — дело трудное. И ему приходилось еще многому учиться.

Ребров отвернулся и вошел обратно в полицию. Через минуту он вернулся. Он надел свою варваретовую куртку и подпоясался блестящей полицейской португеей с тяжелой исправничьей саблей. Штанов же на нем попрежнему не было.

— Дашь и еще! — сказал он, возобновляя прерванный разговор. — Мы тебе устроим такую мирики... рикими... микиризацию.

— Какую еще микиризацию? — спросил с беспокойством Макарьев.

— Ми-ки-ри-зи-ру-ем тебя! — отчетливо, слог по слогу, произнес Ребров.

— Я и так Макарьев, — обиженно сказал купец, — почто меня макаризировать?

Митька, как заправский зачинатель, переделал для колымской практики великое слово «реквизиция».

«Макаризировать» Макарьева — это было естественно и даже благозвучно. Кстати сказать, новое слово и действие привились на Колыме с большой быстротой: макаризация купцов. Там и поднесь говорят: «макаризировать», «макаризнуть», но ныне уж только говорят и больше не делают.

— Не дам, вот бог, — забожился Макарьев.

— А в угарную хошь?

На Колыме, как сказано, холодной не было. Но для экстренных случаев в караулке у Луковцева был такой узкий холодный чулан с огромной русской печкой. Сочетание было престранное. Печь была больше комнаты. Но при этом ее никогда не топили. Она была полуразрушена, дымила и угарила. В этот чулан запирали, кого надо, и тогда затапливали печь и тотчас закрывали ее с огромным угаром. Угарного чулана особенно боялись чулки, непривычные к клеткам.

Макарьев упрямо крутил головой.

— Ну, пойдём, — предложил коротко Ребров. — Где эти мальчишки проклятые?

Он нахмурился. — Вот я их погуляю! Так их...

Он не закончил ругательства и опять засмеялся.

— Бык ты! Буде упираться! — Идем, угощу! — пригласил он его прямо и по своему великодушно, бесцеремонно взял под руку своего бывшего хозяина и повел через мост.

— Эка гудуть! — сказал Макарьев, качая головой. — Мертвых разбудят.

Пирование действительно шло на поляне между Голодным Концом и церковью, и почетные покойники, лежавшие у церкви, могли бы при желании привстать и попросить стаканчик прямо из могилы. Шуму было много. Тренькали балалайки, визжали самодельные скрипки, со смычками из якутского конского белого волоса, даже ухал тяжелый шаманский бубен. Не хватало только церковного колокола.

Бубен притащили от старого Савки Хумулана, якута, которого протоиерей Краснов выселил из Олбута в город по подозрению в шаманстве. Олбутские якуты выли, провожая шамана. Он был их собственный поселковый шаман. Когда-то безродный сирота, о чем говорило его прозвище Хумулан — «иждивенец» — он постепенно занял положение советчика, знахаря, врача.

— Зачем забираешь наше счастье, — укоряли попа якуты, — мало тебе своего?

Они предложили ему выкуп за Савку, припрягли к его санкам двух молодых коньков, жеребца и кобылку. Поп коней взял, даже благословил (плодиться будут) и по обычаю оставил их тут же на Олбуге у старосты в стаде. А Савку все же взял с собой.

Савка ничего не сказал, остался в городе, выписал жену и детей и, разумеется, бубен и шаманский кафтан и рогато-оленную шапку, — и стал продолжать свою практику. Он словно повысился в чине и значении. Из шамана поселкового стал кудесником обще-улусным, даже обще-колымским.

Но центром всеобщего внимания была, разумеется, «жидкая». Ведро спирту влили в большую сороковедерную бочку, на кованых обручах, и дополнили водой, правда, не доверху, а всего ведер пять — чтоб хватило на всех. Вышла и вправду «жидкая» — градусов 15 — 18, но это было не важно. Пьянка на севере не только техническое действие по формуле: «перегоняю водку из бутылки в глотку», — а скорее внушение. Пьют (если есть) неразведенный спирт и даже не пьянеют. Но могут пить простые ополоски и тут же захмелеть. При том же захмелеть, зашататься и даже упасть считается шиком и светскою грацией. Иной и не хмелен ничуть, а качается нарочно: глядите, как я накачался. По улице выводит кренделя и сам собою любитесь больше людей.

У бочки стоял виночерпием маленький Пака. Бочка

Якутский протопоп! — называли его русские. Они охотно лечились у Савкиных чертей, при звуках тяжелого бубна, под бряканье железной бахрамы, когда Савка плясал у огня в кафтане и рогах, и даже протопоп настоящий, православный иерей, тот же самый отец Алексей Краснов, в январе занедужав, после доктора послал и за Савкой и попросил его отслужить ему «молебен по-черному».

Правду говорили якуты, что отец Алексей отнял у них Савку для собственного счастья.

Савка, однако, попов ненавидел, и церкви, и иконы. Скорее, пожалуй, как соперников. И теперь он зачуял новое и пошел в открытую. Сам он на площадь не вышел, был он стар и к тому же слегка парализован. Но его старший внук, парень разбитной и веселый, водивший знакомство с Викешиной командой, как только затрещали балалайки, утащил у деда его музыку и вытащил на улицу.

Пир шел на весь мир. Все люди были тут, даже больные и расслабленные. Одну старуху принесли на ковре и положили у костра. Костер горел широко и ярко, на длинных жердях висело десятка полтора огромнейших чайников. Сума с табаком зияла распахнутым устьем. Все трубки дымили, пожалуй, штук пятьсот. Табачное сизое облако клубилось до церкви и кладбища. Здесь любящие дети курили на могилах, «накуривали» покойников, стараясь и им уделить частицу от общего праздника.

Пир шел на весь мир.

была повыше его самого, но он взобрался на пень и царил над толпой, как волшебник или гном. В руке у него был железный уполовник с длиннейшей ручкой, каким снимают пену при выварке жиру. Жир варят в челноках раскаленными камнями и камни подхватывают из костра все тем же уполовником. Оттого ручка должна быть длинная. Пака запускал свою длинную цедилку в глубину и потом подносил ее жаждающим прямо ко рту. Они были, как дети, а он раздавал им лекарство волшебною ложкой.

На лужайке плясали в кругу, не видно было, кто. Только тренькала и пилила музыка. Зрители хлопали в ладоши и пели:

Ах, моя дудочка,
Серебряна юпочка,
Куды дудка ходила,
Юпку замочила...

Шесть страусовых перьев

Рассказ И. КАШТЕЙН.

Конечно, жить со всеми в ладу невозможно и некоторые люди меня терпеть не могли. Но только раз за всю жизнь я встретился с человеком, который проклинал меня не так, как мы проклинали за частую надоедливую или несвоевременную посетителя, а искренним, глубоким и долгим проклятием. Звали этого человека Абу Мойя (что значит «Отец воды»), а встретились мы с ним в гавани Порт-Саида.

Я бродил по набережной и искал случая, чтобы на сносном пароходе и по сходной цене покинуть этот негостеприимный город. На меня нагоняли тоску и даже угнетали эти холодные и грязные каменные квадраты, в которых англичане обделывают свои дела. Прямые, широкие улицы, походившие на сплошной, гигантский торговый дом, хмуро твердили только одно: «деньги».

Однако, все маленькие пароходы, обслуживающие тамошнее побережье, были грязны до крайности, у меня же оставался еще некоторый запас представлений об европейской чистоплотности и потому я решил немного подождать: не подвернется ли чего получше? Тогда-то и случилось неизбежное.

Длительное пребывание на набережной прилично одетого европейца, само собой разумеется, не прошло незамеченным, и я убедился вскоре, что местные купцы избрали меня своей жертвой. Улизнуть там невозможно. Если восточный торговец захочет что-нибудь продать европейцу, то он поставит на своем хотя бы ценой своей жизни. Во что бы то ни стало навязать свой товар — считается просто долгом личной чести.

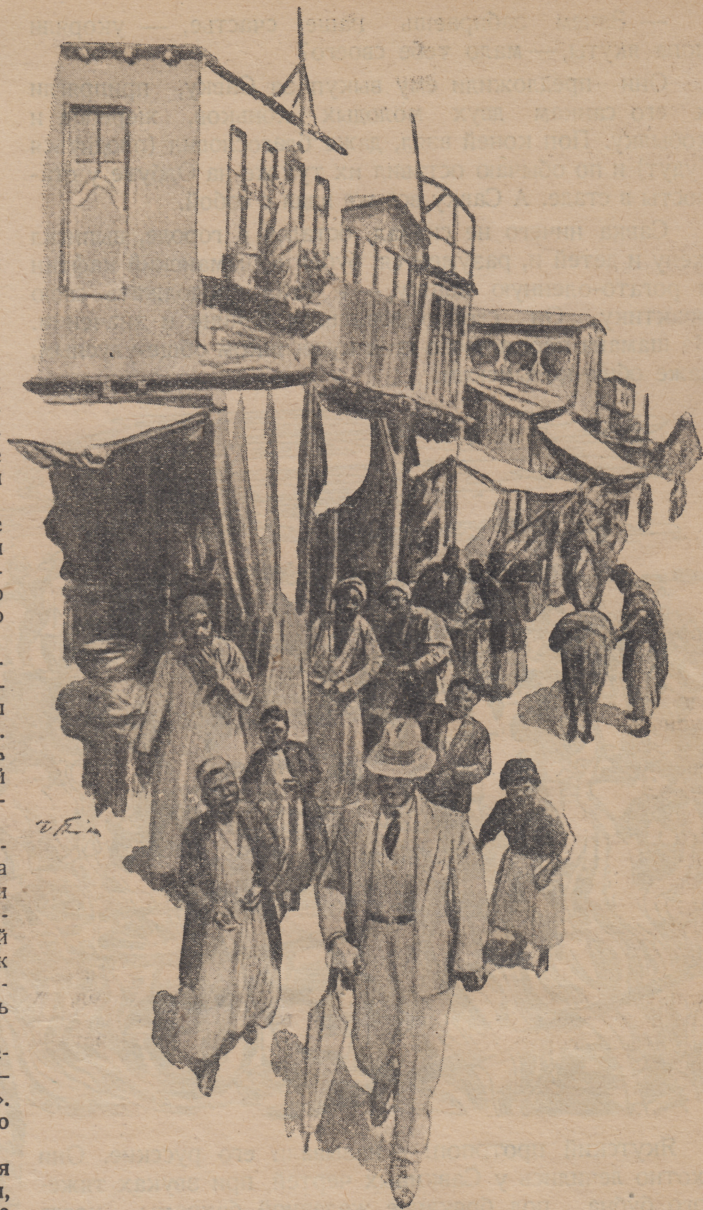
И вот, помня о своей скудной дорожной кассе, я приготовился к самому отчаянному сопротивлению. Сперва я имел удовольствие наблюдать за войной между самими торговцами, горевшими желанием опустошить мои карманы. Но каждый из них имеет свой точно определенный участок, наследственно переходящий от отца к сыну. А так как свои поиски я направлял то в одну, то в другую сторону, то наметить им какую-либо границу было очень трудно; я замечал, что надвигаются серьезные распри.

Однако, допустить до этого было не в моих интересах. «Какая произошла бы катастрофа, — рассудил я, — если бы все продавцы налетели на меня одновременно». А потому своим постоянным местом я выбрал большую лестницу около одного правительственного здания.

Таким образом положение выяснилось и Абу Мойя был назначен моим палачом. Остальные же все отступили, так как дальнейшее их хуже не касалось.

В жилах Абу Мойя текла, вероятно, феллахская кровь, о том же говорила его тяжелая и немного сгорбленная походка. Однако, его глаза были одновременно горды и лукавы. Свой бурнус он носил как эффенди, а его кеффия в складных складках спадала с его плеч.

Я сидел и напряженно глядел на море, когда около меня раздались мягкие шаги в сандалиях и нежный шелест широкой мантии. Рядом со мной стоял Абу Мойя. Он подошел ко мне и молчал. Так некоторое время мы оба хранили молчание которого требует тактичность и вежливость Востока.

Затем тихим голосом он начал говорить. В ярких красках он повествовал о красоте раскинувшегося перед ним моря. У меня не было причины держаться иного на этот счет мнения. Потом он заговорил о красоте страны. И на этом мы быстро сошлись. Наконец, воцарилось благоговейное молчание. Казалось, мы оба были покорены красотами этого мира и этой страны.

Но вот опять зазвучал его мелодичный распев. На этот раз его рассказ шел о сокровищах, которые таятся в Египте и в великой Африке. Ч. разом насторожился. «Теперь я наконец узнаю, что хочет он мне продать». Время на Востоке ни цены, ни значения не имеет. Добро и зло всегда прийти успеют. Абу Мойя успел насчитать невообразимую массу предметов, причисляемых им к сокровищам этой страны. Если бы все их собрать, то хватило бы сверху до низу набить ими средний торговый дом.

Когда он кончил, я знал ровно столько же, как и раньше. Я не мог себе представить, чтобы он жаждал продать мне одного из колоссов Мемнона или какую-нибудь маленькую пирамиду. Однако, вывести от него что-нибудь было невозможно. Так мы сидели и молчали, пока не настал вечер и я не направился обратно в свою скромную гостиницу.

Мы попрощались. Но в последнюю секунду он вдруг удержал меня за рукав, с испуганным видом огляделся испытующе по сторонам и затем нерешительно открыл свою широкую, белую пелерину. Там скрывалась жестяная трубка, с обоих концов закупоренная крышками.

«Ты мне друг, эффенди!» — сказал он. — Вот почему мне хочется показать тебе еще одну драгоценную вещь. И это потому только, что ты мой друг».

Он снял верхнюю крышку со своей трубки и вынул оттуда шесть страусовых перьев, расправив их в послед-

них лучах заходящего солнца. Я и до сих пор признаю, что то были ценнейшие экземпляры, которые я когда-либо видел. Но одновременно с восхищением меня потрясла следующая мысль:

«Святители вы мои! Что же мне делать со страусовыми перьями?»

Я был беззаботным холостяком, которому абсолютно ни к чему подобная вещь. Я не собирался влюбляться в примадонну и дарить ей эти перья к какому-нибудь эксцентричному костюму. А неминуемый крах моей кассы вызывал во мне глубокую скорбь.

Однако, я продолжал держать свое ухо остро. Я признался Абу Мойе, что его перья воистину великолепны. И чтобы немного ускорить неизбежный конец, прибавил: «А скажи, Абу Мойя, эти перья не продажные?»

Его лицо исказилось высокомерным отрицанием. Казалось, будто я попросил этого калифа продать мне зеленое священное знамя. Абу Мойя начал отрицать это так порывисто, так страстно и так пугливо спрятал разом свое сокровище, словно ему грозила опасность быть украденным.

«Прости меня, Абу Мойя, если мой вопрос обидел тебя».

Но Абу Мойя был и остался глубоко оскорбленным; его равновесие было нарушено. Он беспомощно уставился на меня. Сложив руки на груди, я отвесил ему глубокий поклон и произнес на самом настоящем немецком языке:

— О, Абу Мойя, ты величайший плут!»

Он с достоинством ответил на мой поклон и молча удалился. Я посмотрел ему вслед, обуреваемый самыми дурными предчувствиями.

На следующий день, закончив некоторые свои приготовления, я вновь направился к прежнему месту на набережной. По всей вероятности, где-нибудь в темном углу, Абу Мойя сторожил меня, однако, мне не удалось его увидеть. Вдруг он неожиданно очутился возле меня, поздоровался и уселся рядом. Он ничего не говорил, но несколько раз так глубоко и выразительно вздохнул, что волей неволей я должен был спросить его, чтобы не показаться грубым.

«Абу Мойя, что-нибудь огорчило тебя?»

Он кивнул головой, вздохнул еще раз и начал: «Знаешь ли, эффенди, что, когда я вчера покинул тебя, то все время чувствовал на себе твой грустный взор».

«Мой грустный взор?» — спросил я, искренно изумившись.

Он улыбнулся.

«Да, но ты не хочешь признаться в этом. Ты — гордый человек».

Напрасны были мои протесты. Вчера я опечалился и баста.

«И я знаю, — сказал он, демонически хмуря лоб, — что это моя вина. И зачем только я показал тебе мои чудные перья? Зачем пробудил в тебе вождение к собственности твоего друга Абу Мойи?»

«Абу Мойя! — уверил я сердечно. — Ты мой друг, Абу Мойя. Клянусь тебе, никогда не жаждал я того, что является собственностью моего друга».

«Я старый, опытный человек, и понимаю, что говорит лицо и гордость молодого человека. Эффенди, не стесняйся меня. Страсть к приобретению вложена в нас самим Аллахом».

Я воздел руки к небу и глухо произнес: «Говорю тебе, о, Абу Мойя, в скором времени я отправляюсь в Индию и вступаю там в братство неимущих».

Но Абу Мойя пропустил мимо ушей этот важный довод. Казалось, что вообще ничто не коснулось его слуха. Лицо его прямо утопало в печали. «И тогда ночью — продолжал он, — я договорился сам с собою. Я сказал себе: «Абу Мойя, ты не должен огорчать сердца твоего друга Юсуффа. Он молод и жаждет прекрасных вещей, ты же стар и скоро будешь взят из этого мира. А потому расстанься с перьями и отдай их другу твоему Юсуффу. Так я сказал себе. И вот почему я здесь».

«Да, конечно, ты здесь, окаянный, — подумал я и послал порывистый вздох к небесам. — О, всемогущие боги, исполните на меня огненное красноречие!»

Задыхаясь, я едва проговорил: «Твое великодушие, Абу Мойя, потрясает меня. Чем это я, молодой человек, заслужил такое пожертвование? Ничем. Повсюду я буду чувствовать свою вечную вину, которая раздавит меня. Этот стыд, что я не сумел противостать великодушию своего друга, перейдет к моим детям и последует за моими внуками».

Абу Мойя проявил выдержку и жесты патриарха, когда сказал: «Какое вознаграждение может быть для

меня прекраснее, чем этот благородный порыв твоего сердца. Ты благородный человек, Юсуфф, хороший человек! Я дарю тебе перья!»

Чорт возьми, вот я и влопался! Нет, лучше в тысячу раз купить их, чем по восточному обычаю связать себя обязанностью ответного подарка. Однако, несмотря на

эту опасность, во мне проснулось желание довести игру до конца. И потому, глубоко поклонившись, я сказал: «Абу Мойя, я принимаю твой подарок!»

Он весь засиял от удовольствия, старая лиса. Он смотрел перед собой с выражением величайшего блаженства и долгое время хранил молчание. Я начал уже бояться, что опоздаю к обеду, когда он неожиданно начал: «В пятьдесят первой главе Сеятелей сказано: «Мне не нужна людская поддержка; я не требую, чтобы они меня кормили. Всемогущий Аллах есть истинный кормилец!» — Смотри, я сейчас отдал тебе все, что имел. Это было все мое достоинство. И теперь на весь остаток дней моих меня прокормит Аллах».

Я усиленно напрягал свою память: «Мне тоже знаком ваш Коран и я знаю, что в шестьдесят четвертой главе Обмана стоит: «Кто сможет осилить жадность души своей, тот будет истинно счастлив». Вот почему я не хочу владеть этой драгоценностью и прошу тебя принять от меня взамен маленький подарок. По желанию своему ты можешь даже раздать его бедным и тем выполнить свой долг милосердия».

Он закрыл глаза и, откинув голову назад, тихо привистнул. На Востоке это служит знаком отрицания. Потом он замолчал. Словом, отказ был решен. Я встал, поклонился ему и ушел. Он не тронулся с места.

Как только я пообедал, привратник-нубиец сообщил мне, что меня ждет на дворе какой-то человек и хочет поговорить со мною. Сквозь решетчатое окно я увидел Абу Мойю, живописно прислонившимся к одному из столбов. Едва он меня увидел, как пошел мне навстречу с протянутыми руками: «Мой брат, Юсуфф! — сказал он. — Почему мы хотим расстаться в неудовольствии? Завтра ты уедешь и мы никогда больше не увидимся. Неужели же деньги сделают нас врагами? Нет. Я не хочу обижать тебя и ты можешь меня порадовать: дай мне сухую малость, сколько ты сам пожелаешь. Дай мне... Дай мне сто франков!»

У меня какие-то пятна заплескались перед глазами. Сладкое забытие окутало меня и я улыбался точно китайская пагода. Абу Мойя наблюдал за мной с явным удовлетворением.

«Видишь, я знал, что не ошибся в тебе. Ты понимаешь, сколько долгих лет я должен прожить на эти деньги, ибо отдаю тебе все, что имею. Ты истинно мой друг».

«Абу Мойя! — сказал я сдержанно: — Мы не будем говорить о достоинстве твоих перьев. Половина каждого из них стоит сто франков и даже еще больше. Твоя же великая щедрость и того дороже. Но я простой, обыкновенный человек. Аллах не одарил меня большими владениями. Мои родители — люди бедные. Они не имеют козы, ни даже одной единственной курицы. Каждое яйцо в отдельности они вынуждены покупать. У них нет ни сандалий, ни бурнуса, ни кеффии, чтобы покрывать свою голову. Ни один верблюд не стоит в их стойлах и ни разу в жизни они не имели собственного осла».

Абу Мойя приветливо ухмылялся: «Ты дельный человек. Для молодого человека это — прекрасное качество. Ты умный и ученый, так как ты посещал университет. И придет время, ты станешь настолько умен, что все люди понесут тебе свои деньги».

«Это было бы воистину прекрасно! — сказал я от всей души. — Но и теперь я не хочу быть мелочным и даю тебе пять франков».

Со страшным усилием выпрямился Абу Мойя и глубокая печаль прозвучала в его голосе: «О, Юсуфф, я никогда не думал, что ты не захочешь отдать мне остальных девятнадцать франков. Иншалла!»

И с этим он удалился. Напрасно я кричал ему вслед: «Но ведь я же говорю тебе, что даю тебе шесть франков!» Его боль была слишком велика. Он покинул меня бесповоротно.

Час спустя я направился в одну из морских контор. Мои расчеты оказались верными. И когда, просмотрев справочник, я опять вышел на улицу, передо мной стоял Абу Мойя. Он смотрел на меня жалостливыми, расстроенными глазами. Его голос был глух и полон страдания.

«Юсуфф! — сказал он. — Я не могу отказать тебе. Я просто не могу! Итак, дай мне восемьдесят франков! Правда, тогда я должен умереть от голода; это так же верно, как и то, что я верующий. Но ведь ни один человек не волен над своим сердцем».

«Абу Мойя! — вскричал я испуганно. — Разве могу я допустить, чтобы ты умер голодной смертью? Что стало тогда с Порт-Саидом, если закатится звезда его торговли? Нет, я не возьму на себя такой ответственности. Я остаюсь верен своему слову: семь франков!»

Его гнев возстал. «Три дня тому назад я говорил с большим эффенди, который напрасно умолял меня отдать ему эти перья за семьдесят пять франков. А сегодня они не стоят даже семидесяти? Даже семидесяти?»

«Кто же говорит это?» — рискнул я вставить.

«Ты, ты, ты говоришь! — кричал он страстно. — Я подношу тебе благороднейший из товаров, когда-либо созданный африканским страусом. Целый род отправился в поиски за этими перьями, а ты осмеливаешься предлагать мне только пятьдесят франков?»

Он ломал руки и был близок к обмороку. Но я остался холоден. «Абу Мойя! Я надеюсь, что никто не пострадал из этого рода. Мне было бы непереносно сознание, что из-за этих перьев погиб хотя бы один человек. Может быть они запятнаны кровью? Нет, я не могу принять их. А если завтра на корабле я стану считать деньги и замечу, что я уплатил восемь франков, то у меня выступят горькие слезы».

«Ты засмеешься, Юсуфф, ибо всего за пустяк в шестьдесят франков ты станешь обладателем такого сокровища!»

Я порылся в своей сумке и вытащил девять франков: «Чтобы ты убедился, насколько я честен, — вот мои девять франков!»

Благородным жестом он отстранил мою руку: «Теперь мы выкурим с тобою пару сигареток».

Так прекратилась на время наша битва. Я был очень доволен таким исходом, да и мой противник не меньше. Мы стали говорить о всевозможных вещах, но о перьях не проронили больше ни одного слова. Перемирие длилось до вечера.

Когда я позднее направился на набережную, нубиец у ворот задержал меня следующей фразой: «Эффенди, если вы дадите мне пиастр, я открою вам один секрет».

Я зажал пиастр в руке и сказал: «Если ты действительно сообщишь мне секрет, то я вручу тебе этот пиастр».

Кивнув головой, он шепнул мне кое-что на ухо. По чести сказать, не будь этот нубиец таким черным и грязным, я прямо бы расцеловал его. Но мне пришлось сдержаться и поскорей отправиться на поле новой битвы. Абу Мойя уже поджидал меня, широкий и уверенный, как непоборимая крепость. На этот раз я решил открыть бой первым.

«Абу Мойя! — сказал я. — Сегодня вечером я недолго пробуду в твоём обществе. Нубиец из моей гостиницы пойдет со мной к торговцу, которого он хорошо знает. Я решил приобрести у него какую-нибудь безделицу на память об этой стране. Он имеет возможность дешево доставить мне несколько страусовых перьев. Я не думаю, правда, чтобы они были столь же драгоценны и хороши, как твои, но что же остается делать бедному человеку? За десять франков я приобрету те же шесть штук».

Клин был забит. Абу Мойя прямо-таки лопнул от гнева: «Другие торговцы все плуты и мошенники. Они макают перья в чернила и выдают их за черные. Они провалят ими по илу и делают их серыми. Потом они осыпают их мелом и продают за белые. В день Страшного Суда Аллах потребует от них отчета. За пятьдесят франков — скажет он — хотел Абу Мойя, справедливейший, отдать Юсуффу прекраснейшие перья, которым Африка впервые дала вырасти на одном из своих страусов. Однако, Юсуфф, соблазненный хитростью ястребов и шакалов, живущих падалью собак, захотел дать только сорок франков. И это будет его гибелью».

«Ты меня напугал и заставил призадуматься, мой друг! — ответил я. — Не думаешь ли ты, что путь мой будет спокойнее, если я предложу им пятнадцать франков?»

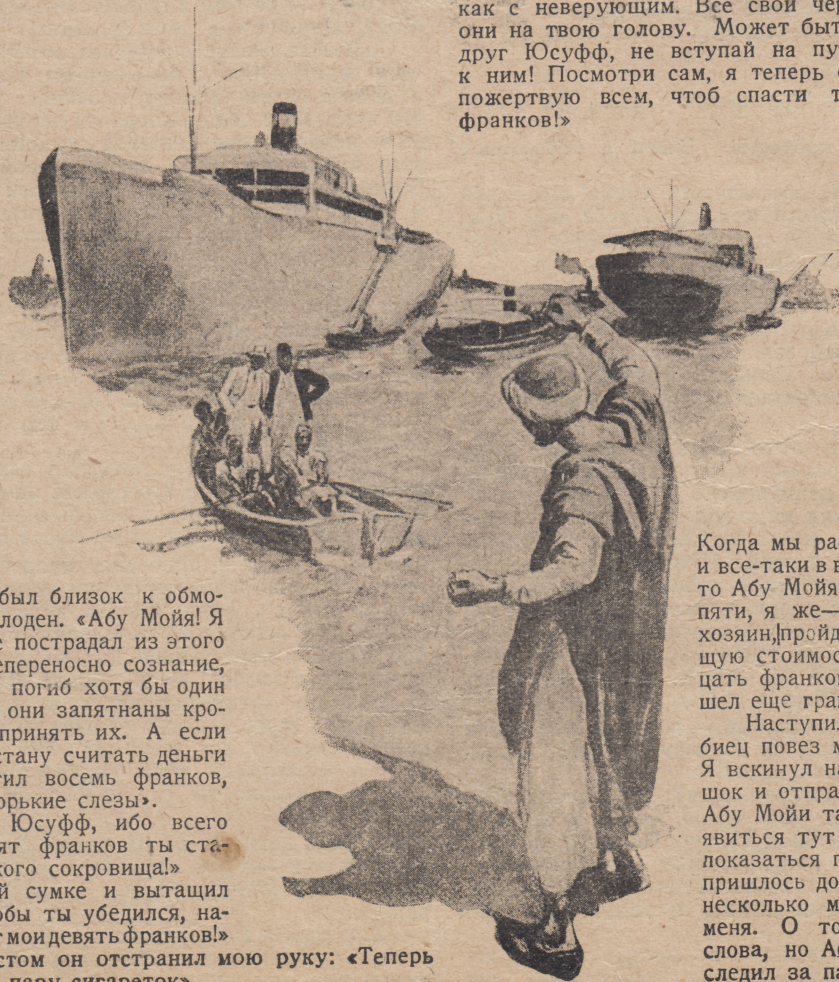
«Они примутся плевать тебе! Они поступят с тобой, как с неверующим. Все свои черные проклятия призовут они на твою голову. Может быть, даже убьют тебя! Мой друг Юсуфф, не вступай на путь опасностей! Не ходи к ним! Посмотри сам, я теперь сделаю последнее усилие, пожертвую всем, чтоб спасти твою жизнь: дай сорок франков!»

«Неужели жизнь моя стоит только сорока франков? — воскликнул я с одуряющей нелогичностью. — Что за мысль! Однако, если Аллаху так угодно, то она вообще ничего не стоит. Ни гроша! Если же он все-таки хорошего обо мне мнения, то пусть оценит ее в восемнадцать франков. И я ни разу ни возропшу».

Борьба в таком же духе продолжалась еще некоторое время.

Когда мы расстались, оба измученные и все-таки в высшей степени довольные, то Абу Мойя остановился на тридцати пяти, а я же — на двадцати франках. Мой хозяин, пройдоха-армянин, оценил настоящую стоимость шести перьев в тридцать франков. Таким образом я неперешел еще границ благоразумия.

Наступило утро моего отъезда. Нубиец повез мой чемодан к набережной. Я вскинул на спину свой дорожный мешок и отправился к знакомой лестнице. Абу Мойя там не было. Он не смел появиться тут передо мной, если не хотел показаться перед всеми. Однако, мне не пришлось долго его дожидаться. Через несколько минут он уже сидел возле меня. О торге не было сказано ни слова, но Абу Мойя острым взглядом следил за парходом, куда меня должна

была отвезти лодка. Увидев, наконец, что она приближается, он перешел в бурное наступление. Он вытащил жестяную коробку из-под своего бурнуса и, подняв ее над головой, сказал просто: «тридцать франков».

Я коротко отказался. Он стал грозить: «Смотри, иначе я выброшу их в море!»

«Они поплывут, Абу Мойя, и я подберу их. Теперь я скажу тебе свое последнее слово...»

«Не надо этого слова! — прервал он меня. — Вот идет лодка. В присутствии людей скажу я тебе мое последнее слово».

Я согласился. Лодка причалила и Абу Мойя обратился к двум загорелым матросам: «Если двое торгуют вещь и один спрашивает тридцать франков, а другой хочет дать только двадцать, то как тут покончить со спором? Разве не будет справедливо разделить пополам и сказать: двадцать пять?»

Матросы засмеялись и крикнули: «Да, двадцать пять!»

«Слышишь?» — возликовал Абу Мойя.

«Да, слышу и соглашаюсь. Итак, за шесть перьев двадцать пять франков».

«Двадцать пять» — повторил Абу Мойя.

«За шесть перьев?» — напирал я и повернулся к матросам. «Вы слышали, неправда ли?»

Они охотно подтвердили, с любопытством ожидая конца торга. Тут я вытащил из кармана свои двадцать

пять франков и отдал их Абу Мойе. Взяв их, он поклонился мне до самой земли. Благославляя меня беспрерывно, он торжественно вручил мне коробку и хотел удалиться. Однако, в этот момент я использовал секрет, который за пиастр мне поведал нубиец-привратник.

«Подожди немного, Абу Мойя!» — сказал я, ухватив его бурнус и обмотав концом свою левую руку так, что он уже не мог убежать от меня.

Спокойно открыв круглую жестянку, я вытащил наружу ее содержимое. Там находилось всего одно страусовое перо. Я высоко поднял его, не глядя на Абу Мойю.

Воцарилась могильная тишина. Абу Мойя схватился за голову, закричал о чуде Аллаха и лихорадочно принялся рыться в своем бурнуса. И вдруг, одно за другим на землю выпали пять остальных перьев, которые я хладнокровно подобрал. После этого я вошел в лодку. Матросы спешили поскорее отчалить, так как смех грозил задуть их.

Тут только Абу Мойя, стоя попрежнему на последней ступени лестницы, очнулся от своего оцепенения. Он выпрямился, вытянул ко мне обе руки и начал проклинать меня, моих родителей, моих неродившихся детей, пароход, страусовые перья, мою поездку, мои деньги... И даже тогда, когда лодка причалила к спущенной лестнице парохода и ничего уже нельзя было понять, он все еще проклинал, проклинал и проклинал.

О МИРОВОМ ЯЗЫКЕ

Вопрос о том, какой язык можно считать мировым, имеет двойной смысл, а потому и ответить на него не так уже просто.

Когда говорят о мировом языке, то думают в большинстве случаев только о двух-трех наиболее распространенных европейских языках, напр., об английском, немецком и французском.

Однако, если принять количество людей, говорящих на данном языке, то самым распространенным языком будет, конечно, китайский, на котором говорят около 420 миллионов людей.

Если по количеству говорящих на нем людей китайский язык превосходит любой европейский язык, то все же считать его мировым языком нельзя, так как на нем говорят одни китайцы. На втором месте по числу говорящих на нем людей стоит наш русский язык, так как население СССР в Европе и Азии составляет более 140 миллионов. Но и русский язык в настоящее время не может считаться мировым.

ясно передана данными нами рисунками. Один из английских статистиков подвел итог распространению и росту этих языков с 1500 года. В этих статистических диаграммах прежде всего нам бросается в глаза необычайно быстрое распространение английского языка, которое объясняется, конечно, распространением его в Северной Америке. В наше время число говорящих по-английски людей доходит по одним сведениям до 120 миллионов, а по другим — до 170 миллионов.

От XV до XVII столетий русский, немецкий, итальянский и испанский языки оставались почти без изменений. Успешно распространился вместе с английским один французский язык, который начал считаться в это время языком культуры, а со времени Людовика XIV входит в среду аристократическую и дипломатическую. Сейчас говорят на этом языке, кроме французов, только в части Бельгии, (3.000.000), французской Швейцарии (800.000) и Канаде (2.000.000). В настоящее время французский язык уже перестал быть языком дипломатов, так как в международ-

ных отношениях принято пользоваться также английским и немецким. Словом, число говорящих на французском языке равно приблизительно 52 милл., из которых более 12 милл. живет вне Франции.

После 1700 г. значительно продвинулся вперед и немецкий язык, на котором в одной только средней Европе говорят более 80 миллионов людей. Сюда нужно прибавить еще немецких эмигрантов и разные отпрыски немецкого языка, что все вместе составит около 100 милл. людей.

Испания насчитывает несколько более 21 миллионов населения и испанский же язык распространен в Южной Америке, население которой очень быстро растет. Говорящих на испанском языке людей насчитывается в общей сложности до 50 миллионов.

По итальянски говорят, кроме 37 миллионов коренных итальянцев, значительное число эмигрантов в Северной Африке, Америке и т. д.

Португальским языком пользуются 13 миллионов, из которых 6 милл. живет в Португалии, а остальные находятся в Южной Америке, особенно в Бразилии. Распространился этот язык с 1500 г. очень слабо, т. к. Португалия в это время утратила свое политическое и торговое значение.

Говорили по

Миллионов людей

Диаграмма показывает необычайно быстрый рост английского языка.

Словом, подлинным мировым языком теперь является язык английский, на котором говорит большинство цивилизованных народов.

Вторым по месту считается немецкий, третьим — французский, четвертым — испанский и пятым — итальянский. Распространенность этих языков в течение столетий

Рассказ Доброхотова.

Рисунки М. Колесникова

I.

Когда мысли в голове запутывались, а руки начинали нервно подергиваться, Мигуэль бросал работу и уходил из дома. Конечным пунктом его прогулки обычно был полуразвалившийся старинный кастелло, находившийся в трех километрах от города. Близость города не избавляла это место от плохой репутации, бандитского гнезда. Правда, «золотой век» бандитизма в Испании уже давно миновал, горы прорезались железными дорогами, а через неприступные, казалось, перевалы перекинулись телеграфные сети. И все же бандитизм был еще далеко не изжитым явлением, кое-где в провинции эта уголовная профессия считалась еще «благородным занятием». Мигуэль знал о нелестной славе дороги и кастелло, но прогулки сюда сделались его привычкой, а бандитов он не боялся — что могли с него взять?

Отец, служивший на химическом заводе, передал ему страсть к химии; она-то и не позволяла ему долго удерживаться на к.-л. службе. Его старший брат Рамон, небезызвестный адвокат с солидным заработком, несколько раз устраивал его на службу, но Мигуэлю приходилось бросать ее: химия заставляла забывать служебную работу. Вот почему Рамон ограничил свои поощрения ежемесячной высылкой некоторой суммы, а Мигуэль весь отдался работам. Он жил в родном городе, в небольшом домике на окраине, оставшемся после отца. С ним жила вынянчившая его и состарившаяся нянька Эмилия, которая и теперь смотрела на него, как на усатого ребенка.

Еще не притупились ужасы европейской войны, а в печати уже подняли вопрос о технике и способах войны будущего. И самым страшным способом борьбы, несомненно, являлись ядовитые газы. Последняя война только дала толчок к дальнейшему изобретению губительных газов, а испытание их над массой, связанной беспощадной дисциплиной, или над глубоко-тыловыми жителями, в ужасающих размерах должно будет применяться в будущей войне. Иприт или горчичный газ, впитывающийся в почву и уничтожающий своими испарениями все живое, отравляющий фосген, вызывающий почти моментальную смерть, люисит, сжигающий даже металлы фтор, газы бешенства, вырабатывающиеся из некоторых соединений бензина, и т. д. без конца.

Средство для уничтожения людей придумать гораздо легче, чем найти противовес ему. Вот такую-то задачу и поставил себе Мигуэль. Почти каждый газ требует и своего противогаса. А Мигуэлю хотелось найти универсальное средство против всех газов. Он не скрывал своих работ и в городе смотрели на него, как на чудака, который задался осуществить невозможное. Часто бывает, что ищешь одно, а находишь другое. Вместо противогаса Мигуэль открыл новый газ и пер-

вый же испытал на себе его действие. Но это был «благотворительный» газ, так как действовал подобно эфиру при операциях — анестезирующе. Действие его продолжалось 8 — 10 часов и человек после вставал лишь с одурманенной головой.

Открытие огорчило Мигуэля, но все-таки по совету своего друга Бартоломео, жившего в Мадриде, он проследил практическую возможность применения нового газа. Этот последний можно было в особых оболочках выпускать подобно снаряду из орудий на далекое расстояние; при ударе в цель твердое состояние нового вещества превращалось в газ. А объем последнего, как и взрывчатых веществ, превосходил в несколько тысяч раз объем своего твердого состояния. Мало того, из своего твердого состояния новое вещество превращалось в газ в одну стотысячную долю секунды. Для военной техники это было уже «достижением», а для Мигуэля — только огорчением, которое увеличивалось еще тем, что к нему стали поступать предложения о продаже изобретения.

Скверное настроение Мигуэля увеличилось сегодня благодаря полученной им ночью телеграмме о выезде к нему специальной комиссии военного министерства для ознакомления с его изобретением. Неизвестный чужак вдруг превращался в некую величину. Раздраженный написал злое письмо в Мадрид своему другу, Бартоломео.

Мигуэль скоро подошел к старому кастелло и уселся под одичавшими апельсинами деревьев. Чуть-чуть слышный шелест листьев, бледно-голубое небо, видневшееся сквозь листву, действовали на него обыкновенно успокаивающе. Но сегодня он не мог успокоиться — завтра предстояла неприятная встреча с этой комиссией.

Мигуэль поднялся и направился было к дороге, но не сделал и двух десятков шагов, как из-за деревьев вышло несколько человек и окружили его.

Мигуэль остался спокоен: бандитам нечего с него взять. Один из них в маске выступил вперед и сказал:

— Прошу извинения, кабаллеро, мы принуждены задержать вас на некоторое время.

— Говорите проще... чтобы ограбить? К сожалению вашему, конечно, вы ошиблись в расчете на меня.

— Нам ничего не нужно от вас... Пока просим лишь следовать за нами!

Пререкания в таких случаях бесполезны и Мигуэль молча последовал за говорившим. Они прошли через отверстие в стене внутрь кастелло, а затем через едва заметный вход спустились в подземелье. Здесь было довольно сносное помещение с необходимыми принадлежностями для жилья. Только дневной свет здесь был несколько слабее. Мигуэль был поражен, войдя сюда: он никогда и не предполагал, чтобы в этих развалинах могло быть какое-нибудь жилье.

— Будьте добры присесть и написать несколько строк вашей... вашей эконолке, кажется... Эмили.

— Чтобы она передала подателю письма десяток другой тысяч пезет? Но вы разочаруетесь, кабаллеро! У меня в доме не наберется и двухсот пезетт.

— Они нам и не нужны!

— Так для чего же я вам нужен? — удивился Мигуэль.

— Напишите, что вы неожиданно должны были уехать на несколько дней в Мадрид.

— Что-о? В Мадрид? Это для чего же?

— Пишите. Не теряйте времени... и будьте уверены, что с вами ничего плохого не произойдет!

— Это невозможно! Завтра я жду из Мадрида военную комиссию, которая...

— Дальше?... Ты работал над одним изобретением, а открыл другое. Я просил себя — на всякий случай, конечно, — проследить практическую возможность твоего нового газа...

— Ну, я это и сделал.

— И тогда же — тоже на всякий случай — я советовал не вызывать шума своими опытами.

— А почему я должен скрывать! — с сердцем спросил Мигуэль.

Бартоломео улыбнулся, как будто бы разговаривал с десятилетним мальчиком.

— По той простой причине, чтобы не иметь неприятностей.

— Каких это?

— Оно уже здесь!.. — раздался голос у входа.

— Вот в этом-то вся суть! Вам не следует видеть эту комиссию по некоторым причинам.

— Чорт возьми! Да позвольте мне знать, что мне следует делать и что не следует.

— Я не имею возможности разъяснить вам в данный момент, но скоро прибудет одно лицо...

— Оно уже здесь!.. — раздался голос у входа.

Мигуэль с изумлением взглянул на вошедшего и как-то растерянно проговорил.

— Ты... Бартоломео!

— Я, я дружище!

Бартоломео сделал движение головой и те, которые пришли с Мигуэлем, вышли.

— Что значит вся эта ерунда? — спросил Мигуэль. — Какие-то бандиты - не бандиты, потом являешься ты...

— Вот я и хочу объяснить тебе. Никаких бандитов здесь нет. Это мои хорошие знакомые и друзья.

— Ну, и?..

— В роде завтрашнего приезда к тебе военной комиссии.

Мигуэль отступил шаг назад.

— Откуда... ты знаешь? Я только вчера отправил тебе письмо! И откуда знают вот эти... твои знакомые, захватившие меня, как бандиты?

— Это длинная история. После расскажу. Они просили тебя написать Эмили?

— Да.

— Это потому, что по некоторым причинам я смог задержаться и им пришлось бы действовать без меня. А как — это ты скоро узнаешь. Но не будем терять времени. Тебе предложили сделать опыт в присутствии военной комиссии. Ты его сделаешь? Ты передашь или откроешь секрет твоего изобретения?

— Ни за что! Чтобы дать лишний способ химической войне?

— Так я и думал. А раз ты откажешься, то тебя, как я узнал, могут забрать.

— То есть, как забрать?

— Ну, так сказать, под почетный арест.

— Ты не шутишь?

— Сам знаешь, что я не охотник до шуток! — резко проговорил Бартоломео. — И вот то, что тебя сегодня задержали, тоже сделано не для шуток. Если бы я тебе сказал у тебя дома, что тебя смогут арестовать, то ты, пожалуй, и не стал бы со мной говорить, так бы нелепо показалось тебе. Это первая причина. А вторая та, что с сегодняшним вечерним, как я предполагаю, а возможно, что и с дневным поездом, придут специальные агенты для наблюдения за тобой. Тогда уже ничего нельзя сделать...

— Так что же ты от меня хочешь?

— Я? Ничего, конечно! Но может быть ты спросишь, что тебе делать?

— Да, да, я это и хотел спросить! — радостно ответил Мигуэль.

— Ты хочешь работать над своей задачей?

— Еще бы! Мне думается, что я уже почти нащупал более или менее верные принципы...

— Так! Ты хочешь, и мы хотим...

— Вы? Кто же это вы?

— Те, которые ненавидят войну...

— А! Значит у вас целая... Ну, да это все равно. Раз вы против войны — и я с вами.

— И если тебя заарестуют, то сможешь ли ты работать?

— Нет, чорт возьми!

— Значит... Так как в военном министерстве тебя в лицо не знают...

— Да и во всем Мадриде никто не знает!

— И если я немного подстригу свои усы, как у тебя, покороче, и надену твое платье, то остальное?..

II.

Хотя Эмилия была и стара, но голова у ней работала ясно. Она прочитала записку Мигуэля два раза, сожгла ее по совету Бартоломео, а затем последний кратко рассказал, что надо делать. Тогда она повела Бартоломео и двоих неизвестных, пришедших с ним, в кабинет Мигуэля. Здесь открыла один из ящиков письменного стола и сказала:

— В этом ящике лежат самые важные, как они там, записки и тетради. Все об его работах. А вот в том переписка... Ну, вы сами разберетесь, что вам надо...

Трое мужчин принялись за осмотр ящиков, стараясь ненужное им складывать обратно в прежнем порядке. Через полчаса Бартоломео держал в руках связку бумаг.

— Клади в чемодан, Капуччино, да запакуй. Больше ничего не будет.

Капуччино положил связку в брезентовый чемодан, а последний всунул в простой мешок из под картофеля с несколькими заплатами.

— Теперь в лабораторию! — сказал Бартоломео.

В лаборатории они взяли несколько указанных Мигуэлем склянок с составами, сложили в корзину и вынесли в сад. Здесь в одном углу находился полуразвалившийся колодец, который Мигуэль все собирался засыпать. Сюда и вывалили все склянки.

В доме Бартоломео сказал Капуччино:

— Ну, теперь отправляйся и будь осторожен.

— Не беспокойся!

Капуччино вскинул на плечо мешок и ровной походкой направился по дороге к кастелло. Тем временем Бартоломео делал указания другому:

— Здесь можно было бы недурно переночевать, но если ты, Рабледо, утром будешь отсюда выходить и упадешь в поле зрения двух пар глаз...

— То, пожалуй, лопнет и весь план?

— Правильно! Поезд приходит в десять утра с минутами, а в полудиннадцатого я буду, в высокопоставленном обществе... Полагаю, что к этому времени уважающий себя пьяница бывает уже в подходящем настроении...

— Понятно! И густые кусты у дороги, возле сада тоже подходящее место, чтобы выспаться, но во-время проснуться и заметить, кого и как могут отсюда увозить.

— Кажется, мы сговорились. Прощай, Рабледо!

— Прощай, Бартоломео!

Несколько человек вышли из экипажей и через сад направились к дому. У открытых дверей их ожидала Эмилия. Полковник штаба дон Гарсиа Альгабенья Нуньес спросил:

— Мигуэль Коларо дома?

— Да, он ожидает вас! — с поклоном ответила Эмилия.

Вся группа вошла в кабинет. Здесь их встретил Бартоломео. Дон Гарсиа назвал себя, представил капитана Диего Костаньеса, двух химиков и чиновника министерства. Затем объяснил цель приезда.

— Следовательно, вы хотите, чтобы я сегодня же приступил к опыту? — спросил Бартоломео, совсем не плохо чувствуя себя в роли Мигуэля

— Да, конечно.

— Но для меня несколько непонятно, почему я должен сделать опыты для военного министерства?

— Как? — удивился дон Гарсиа. — Здесь все ясно! Ваше изобретение может иметь большое значение для нашей военной техники, судя по тому шуму, который подняли газеты, очевидно, вами информированные.

— Да, но газеты как-то вдруг и перестали шуметь! — заметил Бартоломео.

— Им пришлось замолчать! — с любезной улыбкой вмешался капитан Костаньес. — Согласитесь, что этот шум мог бы нарушить интересы государства.

— Итак, — продолжал полковник Гарсиа, — вы сделаете опыты, хорошенько ознакомите нас с вашим изобретением и, если результаты совпадут с газетным шумом, то вам придется отправиться в Мадрид.

— Зачем?

— Потому что ваши дальнейшие работы должны быть обставлены под строгим секретом, и кроме того, мы будем вас кое от кого оберегать. Понимаете, вы уже тогда являетесь... как бы собственником государства.

— Как? — притворился удивленный Бартоломео. — Тогда я, следовательно, буду связан по рукам и ногам, не смогу и шагу ступить без чьего-то постороннего глаза?

— Совершенно верно.

— В таком случае... я думаю, что мои опыты... будут неудачны.

— А... а! Я бы советовал вам подумать...

Бартоломео жил в великолепной вилле. Искусно сервированный стол, блюда знатока-повара, тонкие вина, ароматные сигары — Бартоломео и не подумал отказываться от этого. Прислуживали ему лакеи и служанка.

Дом полуокружал отличный сад. Пальмы, лавровые деревья, апельсиновые и лимонные, стройные кипарисы, платаны, замечательный розариум, цветники всевозможных окрасок. Бартоломео с удовольствием про-

водил время в саду. Он был совершенно свободен в распределении своего времени, но ограничен в месте. Сад окружала высокая каменная стена. Были глухие ворота с такой же калиткой, но Бартоломео не мог видеть — стоит ли за воротами часовая или нет. Но понимал, что надзор здесь был поставлен очень тонко.

Часто он засиживался на широкой скамье у ограды. О побеге пока что Бартоломео и не думал, но все же, отчасти из любопытства, отчасти от ничегонеделания, он изучал свою аристократическую тюрьму.

В одном месте, почти у самой стены, росли высокие платаны. Если влезть на них, то по сучьям легко пройти на стену. Бартоломео подивился было такому упущению тюремщиков, но скоро сообразил, что место, где стояли как бы случайно у стены эти деревья, очевидно, пользовалось особым вниманием. И если кто-нибудь вздумал бы бежать, то деревья у ограды представляли наиболее легкий способ побега и наиболее удобный... для задержания беглеца за оградой.

Бартоломео бросил деревья и стал интересоваться каким бы образом можно было перебраться через стену там, где не росло деревьев. Если бы что-нибудь приставить к стене в рост человека, встать на это и тогда на стену можно было бы подтянуться на руках. Подходящим предметом здесь была скамейка. Если оторвать доску и приставить ее, то остальное уже пустяки. Доска солидная, столбы тоже и врыты в землю, видимо, основательно. Оторвать доску от столбов без шума да и без какого-нибудь приспособления было трудно. Бартоломео попробовал было взяться за доску руками и... с изумлением отнял руки: доска отделялась от столбов и без особого усилия.

Он присвистнул и тихо рассмеялся.

— Молодцы! Тонко же это у вас устроено.

Тюремщики облегчали попытку побега, чтобы знать — как относиться к узнику.

Бартоломео видел только трех человек: лакея, служанку и повара, но он чувствовал, что в вилле гораздо больше глаз... Полковник Гарсиа особенно не беспокоил его, а во время посещений советовал лишь «подумать» и заняться в лаборатории, которая была устроена в одной из комнат.

Три раза у Бартоломео случился жар и бред по ночам. После первого раза услужливый лакей Франциско на утро сказал:

— Дон Мигуэль, кажется, плохо спали... Не вызывать ли доктора?

Но Бартоломео отказался; очевидно, его во время вечерней прогулки на холодном ветре немного прохватило.

Во второй раз Франциско заметил, что «дон Мигуэль с вечера выпили много крепкого вина», но Бартоломео никак не мог вспомнить — действительно ли он выпил вечером много вина, хотя вообще он пил очень мало.

Но на третий раз Бартоломео успел несколько подумать над своим непонятным бредом по ночам. И когда у него поднялся жар, то он напряг всю свою силу воли и сознания не потерял. И вот в это время он чувствовал, что вблизи него кто-то находится...

Как-то после обеда служанка Розина пришла к Бартоломео в слезах. Что угодно, но только не слез ожидал он от служащих этой виллы-тюрьмы.

Что с вами, Розина?

— Дон Мигуэль... Я...

Между слезами она рассказала, что вытирала пыль в лаборатории, задела несколько сосудов с жидкостями, и они разбились. Теперь с нее спросят и даже уволят

со службы. Если бы дон Мигуэль был так добр и взял на себя... Ведь он же может разбить любые склянки?

Бартоломео отправился с ней в лабораторию, куда до этого заглянул лишь один раз. На полу валялись осколки в разлившейся жидкости.

— Хорошо, Розина, скажите, что разбил я!

Розина стала благодарить, а потом испугалась.

— Дон Мигуэль... а это не ядовитая жидкость? Вдруг мы отравимся...

— Ну, знаете, в этом я ничего не понимаю! — как-то не думая, ответил Бартоломео.

Он сейчас же пожалел о таком необдуманном ответе. Однако, у Розины получилось иное впечатление: дон Мигуэль просто не хочет прикасаться к лаборатории.

Бред по ночам, случайные вопросы, разбитые склянки и ряд других уловок, все это имело целью вызвать желание работать в лаборатории или как-нибудь случайно или бессознательно, как в бреду, открыть секрет изобретения. Бартоломео каждый день ждал новых штук, но ждал со злорадством. Возможно, что в конце концов случайно или не случайно они и добились бы чего-нибудь, если бы Бартоломео был химиком, во-первых, и если бы он знал секрет Мигуэля Коларо, во-вторых.

Однажды, подходит к нему Франциско и сообщает, что его желает видеть какой-то господин. Бартоломео отправился в дом. В гостиной его ожидал неизвестный представительный господин, который после взаимных поклонов, сказал:

— Я Рамон Коларо и хотел бы видеть своего брата Мигуэля.

Бартоломео стиснул зубы, вот результат упущения в его планах. Рассказать все Рамону было бессмысленно по той причине, что их разговор слушала, конечно, не одна пара ушей. Бартоломео коротко вздохнул: приходилось показывать карты.

— Вашего брата Мигуэля здесь нет. Я заменяю его.

Рамон с недоумением спросил:

— Где же мой брат?

— Где именно, я не знаю, но во всяком случае за пределами Испании...

Через несколько минут полковник Гарсиа в ярости сломал телефонную трубку в своей квартире. Телефоны заработали, телеграфные провода загудели, передавая срочные распоряжения, но когда агенты подошли к дому Мигуэля, то он оказался заколоченным. Старуха же Эмилия неизвестно куда уехала. А в одну из мадридских тюрем прибыл новый узник. — Пабло Медина.

IV.

Контраст между старой и новой тюремной обстановкой был непередаваем. Бартоломео ожидал этого и зря не нервничал в сырой и грязной камере. В первый же день своего пребывания он принимался несколько раз хохотать, представляя себе физиономию полковника Гарсиа, узнавшего о подложности своего узника. А потом задал себе вопрос:

— Сколько же придется здесь просидеть?

Месяц уже прошел, а дальше? Год, три, пять? Этого он не допускал, потому что на воле кое-кто думал о нем. Думал и он сам. И если в своей первой и роскошной клетке-вилле он откидывал мысль о побеге, то здесь она заполняла все его дни и ночи. И чем труднее казался побег из тюрьмы, тем крепче засела в нем мысль о побеге...

Дверь камеры открылась. Надзиратель пропустил какого-то человека, но сам остался в коридоре, слегка прикрыв дверь.

— Вас зовут Пабло Медина?

— Да.

— Я — тюремный врач. Вы просили меня к себе?

Бартоломео хотел было ответить, что он вовсе и не думал об этом, как увидел, что врач слегка кивнул головой.

Он принимался несколько раз хохотать.

— Да, просил.

— Что у вас?

Одновременно с этим вопросом, врач поправил свой галстук.

— У меня болит грудь. Вот уже...

Бартоломео стал плести целый рассказ. А когда он кончил, врач сказал:

— Давайте посмотрим. Разденьтесь.

Бартоломео разделся. Врач выслушивал его, постукивал и в это время шепнул:

— По поручению Мигуэля...

Ни малейший мускул не дрогнул у Бартоломео, как будто бы он ничего не слышал.

— Да... Понимаю... Обычная история... Надо вам лечь в больницу. Мое дело осмотреть вас и доложить начальству. А остальное уже зависит оттуда... Вероятно, вас переведут для лечения...

Прошло около недели, пока Бартоломео перевели в больницу. Через день, во время своего утреннего осмотра, врач сказал Бартоломео, когда около них никого не было:

— Вам нужно обязательно худеть...

— Как?

— Микстуру вы пейте, вещь безобидная, а вот пузырек... берите его незаметно... Раз в день по десять капель...

Время шло и Бартоломео исхудал, а его сосед по палате, срочный узник, с каждым днем все быстрее направлялся к смерти. Однажды, под вечер, врач вошел с дежурной сиделкой, стал тщательно осматривать умирающего и потом сказал сиделке:

— Сходите к дежурной сестре, пусть она приготовит этому... она знает что... и принесите сюда.

Сиделка вышла. Врач повернулся к Бартоломео, дал ему небольшой сверток и произнес:

— Спрячьте!.. Так... Внимание. Ваш сосед через час — не больше — умрет. Около девяти вечера, когда здесь все уснут, идите в уборную и выкрасьте свои волосы и усы... Здесь в пакете все, что надо. С вашей худобой и подкрашенными волосами вы сойдете за соседа. После улучите момент и переложите покойника на свою койку, а сами — на его... Будьте ловки... Тогда все сойдет отлично. В пакете найдете две облатки... Примите их, тогда ваше дыхание не выдаст... Потеряете сознание — не бойтесь. Счастливо!..

Бартоломео очнулся... Раскрытые глаза встретились с полным мраком, но он не пошевелился. Соображал — где он находится? Помнит, что обменялся местами с покойным соседом по палате, незаметно для других больных, хотя, вероятно, они уже все спали. После этого принял соответствующее положение на койке, проглотил облатки и вот только теперь очнулся...

Он пощупал слегка пальцами то, что облегал его голое тело. Что же это надето на нем? Э... э... Ясно, что то, что одевают на покойника. А раз он покойник... Чорт побери! Да ведь он в гробу лежит!.. Вот почему так тесно лежать!

Бартоломео стал думать. То, что было до этого, все для него понятно, а вот что теперь ему делать — он не имеет ни малейшего представления. Самое простое, казалось бы, поднять крышку гроба. Но где же, собственно, стоит гроб? Что не в могиле — это несомненно, потому что хотя и не важно, но дышать пока можно. Но что же это за помещение, куда внесли или привезли гроб с живым мертвецом?..

А в это время к кладбищенской часовне подошли три человека, неся какой-то тяжелый предмет.

В такой темноте без глаз останешься! — тихо проговорил один из них.

— Разберемся... Дверь, вероятно, не закрыта...

— Да я узнал, что ее никогда не закрывают...

А впрочем... Ну?

— Открыта, входи!

Они вошли в часовню и прикрыли дверь. Один из них осветил электрическим фонариком часовню.

— Гроб здесь... Давай инструмент...

Через полминуты крышка гроба медленно была приподнята.

Бартоломео!..

— Жив, друзья!

— Ну-у! Еще бы тебе помереть! Вылезай осторожно.

Вместо живого покойника в гроб положили принесенную с собой ореховую пластину, крышку прижали,

вставили гвозди в прежние отверстия, и вышли из часовни.

Поезд мчался...
Друзья сидели в отдельном купе и слушали подробный рассказ Бартоломео. А когда он кончил, то Рабледо сказал:
— А все таки, сознайся, ведь ты недурно провел эти месяцы?

— Великолепно! Какая замечательная смена впечатлений! Эта шикарная вилла. затем, прокислая камера в тюрьме, больница и, наконец, гроб...
— И впереди?
— А впереди... У Мигуэля с изобретением как будто бы двигается?
— Да, говорит, что идет не плохо.
— Ну, значит, и мы для чего-нибудь пригодимся.

„КАК БЫСТРО ВЫ СООБРАЖАЕТЕ?“

Новые испытания Сэма Ллойда.

Подсчет голосования.

Секретарь общего собрания клуба сообщил председателю следующее: голосование путем вставания показало, что предложение было поддержано большинством, равным одной трети оппозиции. Но, как выяснилось, этот результат получился благодаря недостатку стульев помешавшему 11 членам собрания сесть в знак своего голосования против предложения. Поэтому видимое меньшинство на самом деле отклонило предложение большинством одного голоса. Можете ли вы определить, сколько человек голосовало за и против предложения?

Дележ яблок.

Четыре девочки и их четыре брата разделили между собой 32 яблока следующим образом: Анна получила одно яблоко, Мэй—два, Джэн—три и Кэт—четыре. Что же касается мальчиков, то Нед Смит получил столько же, сколько его сестра, Том Броун—дважды больше, чем его сестра, Биль Джонс — в три раза больше своей сестры, а Джек Робинзон—в четыре раза больше своей сестры. Можете ли вы, на основании этих фактов, определить фамилии Анны, Мэй, Джэн и Кэт?

Решение этого вопроса требует, кроме элементарного математического вычисления — способности к логическому рассуждению.

Наблюдательны ли вы?

На этой качели, положенной на бревно, точка равновесия находится в самой середине коромысла и при данной рассадке вскарабкавшихся на нее детей коромысло находится в равновесии. Но если бы все мальчики из обеих групп сели на одну сторону, сколько потребовалось бы поместить на другую сторону девочек, чтобы снова привести доску в равновесие?

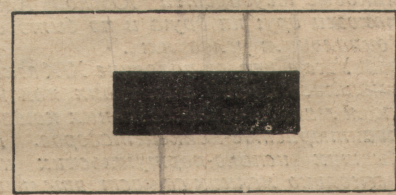

Разумеется, следует предположить, что все мальчики, также как и все девочки, обладают одинаковым весом.

3 6 32
5 3
2av.
8m = 4 12gch. 16.

Обладаете ли вы развитым ощущением формы?

Этот чертеж представляет собой проект боевого флага зулусского флота. С точки зрения любителей головоломки преимущество этого чертежа в том, что в случае намерения корабля сдаться и вывесить на мачте символ поражения, из белой части боевого флага, разрезав ее на два куска, можно легко составить квадратный белый флаг.

Выкиньте прямоугольный черный центральный кусок флага и разделите оставшуюся белую часть на две половины точно одинаковые по форме, которые, будучи сложены одна с другой, образуют белый квадрат.

Это довольно трудное испытание для вашего ощущения формы и пропорций.

Бухгалтерия в уме.

Две сестры решили объединить свои наличные деньги и вместе отправиться за покупками. Марта купила за 15 долларов шляпу и ботинки. Гертруда заплатила за блузку столько же, сколько Марта за шляпу и истратила остаток всех денег на приобретение зонтика. По дороге домой Гертруда заметила, что ее зонтик стоит на один доллар дешевле, чем ботинки Марты. «Это верно,—согласилась Марта, а если бы твоя блуза стоила в полтора раза дороже моих ботинок, наши расходы были бы одинаковы».

Можете ли вы на основании этих фактов назвать относительную стоимость всех четырех покупок?

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КАПИТАНА КЭТЛЬ

Рассказ К. ХАЙН.

Рисунки Г. Фитингофа.

В стране опереточных революций.

Очередное приключение капитана Кэтль переносит нас в экзотическую обстановку Южной

Америки, на территорию республики Чили. Но действие рассказа можно было бы с успехом перенести и в какую-либо другую из многочисленных республик, искромсавших южно-американский материк, напр. в Колумбию, Эквадор, Перу или Венецуэлу — безразлично; местный колорит рассказа от этого нисколько бы не изменился. Все эти карликовые государства Южной Америки, как капли воды, похожи друг на друга и по бытовому своему укладу и по социальным условиям...

Уже в первой половине XIX века Испания и Португалия лишились почти всех своих колоний на южно-американском материке, завоеванных когда-то шайками испанских авантюристов-конкистадоров. Громадная территория бывших испано-португальских колоний распалась на несколько мелких самостоятельных республик. Благодаря внутренним междоусобицам они распались на государства еще более мелкие, но неурядицы от этого не прекратились. Борьба за власть, ежедневные государственные перевороты, бесконечные мятежи прочно вошли в обычный уклад этих стран, в том числе, конечно, и республики Чили, о которой идет речь в рассказе. Бесчисленные генералы, беспринципные авантюристы, темные дельцы — чей нос за тысячи миль слышит запах плохо лежащего золота, — устраивают «pronunciamentos», инсценируют революцию и в итоге захватывают власть в свои руки.

Но опереточные революции приводят к власти и опереточных властителей. Не успев еще войти во вкус власти, добытой в одну из темных южных ночей под ружейную трескотню перепалки, именуемой государственными переворотом, эти «калифы на час» вскоре удирают из неблагоприятной страны, а в худшем случае летят в крепостной ров с десятком пуль в теле. В этих свалках за власть допускаются все, даже средневековые средства, вплоть до отравлений и убийств из-за угла.

Но все эти «революции» и насильственные смены правительств не меняют, однако, сущности государственного строя. Трудовые массы всегда улетаются, а у власти кучка подозрительных личностей. Эти «революции» — всею на-всею лишь дворцовые перевороты, смена президентов, борьба мелких партий, а партий обычно бывает столько, сколько имеется кандидатов на президентский пост.

Фабрично-заводская промышленность развита там крайне слабо, а сельское население состоит в подавляющем большинстве из туземцев, коренных обитателей этой страны, неграмотных и полудиках, мало интересующихся тем, что происходит в столицах. Поэтому, трудовые массы стоят в стороне от этих авантур, а в роли статистов этих опереточных революций выступают обычно отбросы общества, грязная нация человечества.

Но события последних лет убедительно свидетельствуют, что к южно-американскому матерiku тянутся лапы более крупных хищников, капиталистов Северо-Американских Соединенных Штатов. Задыхающийся от ожирения северо-американский капитал давно уже с вождельством посматривает на юг. Захват американцами республик Никарагуа, — чему мы сами не так давно были свидетелями, — только еще первая разведка нью-йоркской биржи на юг. Скоро пушки американских сверх-орудий прекратят мышиную возню генералов и президентов в этих микр скопических республиках, а на плечи трудящихся тяжело опустится лапа новых конкистадоров с той стороны Панамского канала.

Крейсер донны Клотильды.

Одним из достопримечательных качеств капитана Овена Кэтль была, по моему, щепетильная чистоплотность и постоянная внимательность к своей внешности, даже при самых необычных условиях. Однако, даже при удачных заработках, он не имел возможности обзавестись хорошим портным. Да я вообще сомневаюсь, чтобы он заказывал свои костюмы, а не приобретал их готовыми. И все же костюмы сидели на нем поразительно ловко. Каждая складка была на своем месте. Даже в кожаной одежде и морских сапогах капитан Кэтль оставался элегантным.

Как моряк, он несомненно умел управляться с иглой. Однажды, встретившись с ним в Вальпарайзо, я обратил внимание на элегантный покррой его костюма. Мне рассказали потом, что капитан Кэтль выкроил его своим ножом, разложив на палубе, и от начала до конца сшил собственными руками.

Прошло немного времени после его неудачного приключения на Кубе. Лодку, в которой он с Карнфортом удрал с острова, подобрал пароход, затем оба друга растались. Карнфорт возвратился в Англию, а Кэтль отправился в Панаму, откуда добрался в Вальпарайзо в Чили.

Без гроша в кармане, он уныло бродил по улицам. Щеки его и без того худощавого лица ввалились еще глубже; глаза выглядели утомленно. Но его рыжая борода была по-прежнему холеной и, как всегда, задорно торчал черепаховый козырек его фуражки. Не только на белом костюме, но и на остроносых парусиновых туфлях не было видно ни малейшей пылинки. Я уверен, что именно этой внешней элегантности он был обязан милостивому вниманию такой требовательной и гордой донны, как Клотильда Ля Туш.

Факт тот, что, заметив из своего экипажа идущего по Пазео де Колон капитана Кэтль, она сейчас же осведомилась об его имени. А когда его никто не мог ей сообщить, то, не задумываясь, она поручила одному из своих поклонников обязательно познакомиться с капитаном и в тот же вечер представить его в кафе, во время ужина.

Ужин состоялся во внутреннем дворике, где сквозь листья пальм струился лунный свет и светляки вели непрерывное соревнование с яркими электрическими фонарями. Один такой вечер стоил денег, которых капитану Кэтль хватило бы для своих еженедельных расходов на целый год, а потому он и отдал должное прекрасному меню.

Во время закуски были заняты только соблюдением обычных правил вежливости; затем последовал довольно длинный автобиографический отчет капитана Кэтль, который был вызван очень ловкими и наивными вопросами донны Клотильды. А под конец, вместе с коньяком и сигарами, дошла очередь и до политики. Разговор захватил всех, стал оживленным и взволнованным.

Вдруг один из присутствующих поднялся и, озабоченно оглядевшись кругом, энергично постучал по своему стакану.

— Уважаемые сеньориты и сеньоры! — обратился он к обществу, как только гул голосов несколько поулегся. — Если разрешите, не так пылко. Это может плохо кончиться.

— Ах, ерунда! — заметила донна Клотильда. — Ведь мы говорим по-английски.

— Его достаточно многие знают и в Вальпарайзо.

— Да и пусть их слушают на здоровье! — воскликнул капитан Кэтль. — Я вполне разделяю политические взгляды донны Клотильды, после того, как она объяснила мне положение вещей. Настоящее правительство я считаю окончательно негодным и вообще не привык, мистер Сильва, скрывать своих убеждений из страха, что меня могут услышать другие люди.

— Вы, капитан, — сухо ответил осторожный собеседник, — ничего здесь потерять не можете, но донна Кло-

тильда. очень многое. Мне было бы жаль, если бы я прочел в утренней газете, что прошлой ночью она скончалась от удара, а на самом деле от изрядной дозы мышьяка.

— Та-та-та! — произнес Кэтль. — Не так уж это страшно.

— Вы должны согласиться, капитан, — возразил Сильва, — что, как чилийский гражданин, я основательно знаком с здешними обстоятельствами. У противников нашего президента Квиарры что то уже очень часто случаются подобные удары. В особенности же, когда их политическая деятельность становится до некоторой степени заметной. Кроме того, даже пальмы этого кафе славятся невыразимо длинными ушами. Поэтому, не лучше ли будет, если мы все отправимся на крышу. Лунный свет останется таким же прекрасным, а воздух, наоборот, будет гораздо чище и здоровее.

Он завладел веером и мантилей донны Клотильды,

цами, походили с этого места на большую, белую, изрезанную глубокими складками скалистую долину. Такая обстановка сообщала этому месту нечто таинственное. Оно было точно создано для заговоров, которые, кстати, и заключались здесь в бесчисленном множестве. Хозяева кафе наживали невероятные суммы.

Капитан Кэтль и синьор Сильва поднимались по широким ступеням мраморной лестницы.

— А знаете ли вы, кто наша хозяйка?

— Очень любезная и прекрасная молодая дама! — ответил моряк. — А судя по сегодняшнему меню, она обладает и прекрасным вкусом.

Я буду командовать вашим флотом.

вместе с ним поднялись и остальные две дамы. Слегка раздосадованная перерывом интересного разговора, донна Клотильда, однако, решила последовать их примеру. Пока все общество поднималось вверх по лестнице, синьор Сильва попросил капитана Кэтль отойти с ним на мгновение в сторону.

— Разрешите дать вам один дружеский совет, капитан! — шепнул он ему. — Не впутывайтесь в эту кутерьму, а лучше отправляйтесь домой.

— Мне кажется, — ответил Кэтль, — что донна Клотильда собирается предоставить мне место.

— Ну, если бы и так, — заметил Сильва, — то это будет такая служба, которая вряд ли придется вам по душе.

— Видите ли, я сейчас нахожусь, как говорится, «на мели», а потому не смею быть особенно разборчив. Я женатый человек, м-р Сильва, и должен заботиться о своей семье.

— А-га! — задумчиво протянул Сильва. — Знает ли она это обстоятельство? Во всяком случае, я желаю вам счастья, капитан.

Плоская крыша кафе «Золотой Лев» была устроена на подобие висячего сада. Апельсиновые деревья, наполовину скрытые идущий вокруг бруствер. В больших зеленых кадках стояли всевозможные тропические растения. Все остальные крыши города, с бегущими между ними ули-

— Это-то все так! — заметил Сильва. — Но она же и самая богатая женщина в Чили, наследовавшая от отца бесчисленные серебряные рудники. Во время нашей последней революции он погиб и все его колоссальное состояние досталось его дочери, донне Клотильде. Эта молодая дама, обладает еще и многими другими прекрасными достоинствами, хотя она унаследовала и плохую родовую черту — полное отсутствие какого-либо страха за себя.

Капитан Кэтль нахмурил брови.

— Я не совсем, как будто, понимаю вас, — сказал он.

— А как же иначе можно объяснить ту отгадку, с которой она пускается во всевозможные опасные предприятия. Сейчас она интригует против президента Квиарры, который, мы все отлично знаем, такой же бандит, как и его предшественник. Бандит же будет и его приемником. Это так заведено в моем отечестве. У Квиарры та дополнительная особенность, что он не любит долгих проволочек. Всюду достаточно недовольных, но тех, которые осмеливаются выступать против него, он немедленно укорачивает ровно на одну голову.

— Я нахожу, — сказал Кэтль, — что, со своей точки зрения, он поступает вполне правильно.

— Ба! Я так и думал, что вы поймете его. Ну-с, капитан, вот мы и наверху. Не находите ли вы, что вам лучше теперь отправиться домой?

— Конечно нет, м-р Сильва, — ответил Кэтль. — Ведь весьма вероятно, что в самом недалеком будущем донна Клотильда встретится с крупной неприятностью. А в такую минуту мне следует быть около нее, как женщины, к которой я питаю величайшее уважение.

И он пошел навстречу обаятельной улыбке донны Клотильды. Взяв его под руку, она отвела его в самый отдаленный угол сада, где они скоро углубились в оживленный разговор.

* * *

— Спасибо за предложение, капитан! — сказала она, наконец. — Я принимаю его так же охотно, как вы его мне сделали. Многие пытались поступить ко мне на службу, но все являвшиеся претенденты мне не подходили. Мне нужен настоящий мужчина, а в том, что вы, как раз таковы, я убедилась уже после пяти минут той беседы за нашим столом. И для доказательства я предлагаю вам команду над моим флотом.

— Вашим флотом, сеньорита?

— Который должен быть еще создан! — объяснила донна Клотильда. — И вы его создадите. Нам нужно захватить только одно военное судно, чтобы заставить остальных перейти на нашу сторону! А как только в нашем распоряжении окажется флот, то сдадутся и портовые города, под страхом обстрела. Как только президент Квиарра будет выгнан, его место займу я.

— Следовательно, — заметил Кэтль, — вы желаете сделаться чилийской королевой?

— Президентом!

— Но ведь президентами бывают только мужчины?

— А почему же должны быть всегда только мужчины?

— Мне кажется... Так ведется исстари.

— Да только потому, что мужчины до сих пор владели самыми лучшими местами. Но теперь, мой милый капитан, это изменилось. Культура развивается и, наконец, женщина займет достойное себя положение. Вы правы, до сих пор еще ни одна республика не выбирала женщину-президента. Я буду первая.

Капитан Кэтль задумчиво уставился вниз на освещенные улицы. Через несколько минут он пришел к следующему решению:

— Я принимаю ваше предложение, сеньорита. Я буду командовать вашим флотом. Свое дело я выполняю хорошо, в этом вы можете быть уверены. Ничего, что я сам хвалю себя: для подобных дел я сущий клад. Со здешними сорванцами, которых у вас на южно-американском побережье принято называть матросами, я отлично справлюсь. Но есть еще одно обстоятельство, сеньора, которое я должен оговорить. Двенадцать фунтов в месяц мне необходимы и, на меньшее я, простите, согласиться не могу, сеньора.

В ответ донна Клотильда обеими руками сжала руку капитана.

— Благодарю вас от всего сердца! — воскликнула она. — Я вижу, что с вами наш успех обеспечен. О вашем заработке вам нечего беспокоиться.

— Надеюсь, что вы извините эту поспешность, — ответил Кэтль в легком замешательстве. — Я знаю, конечно, о деньгах с дамами так не разговаривают, но видите ли, сеньора, я слишком часто нуждаюсь в деньгах. Правда, двенадцать фунтов в месяц много, но...

— Мой друг, — прервала его донна Клотильда. — Я уважаю вас за откровенность еще больше. Каждый мужчина на вашем месте потребовал бы... — «в сто раз больше» хотела она сказать, но удержалась, — вдвойне.

* * *

Старая, маленькая, окрашенная в зеленый цвет барка лежала под парусами, повернув свой нос на юг. Вокруг нее распространялся острый запах гуано, отравлявший своей вонью дивный морской воздух тропиков. Под четырехугольным гакбортом судна виднелось его название — «Адмирал Тохрейн». Судно лениво покачивалось на волнах и всякий раз, как оно ныряло вниз, снасти отчаянно скрипели, а дряхлый корпус громко стонал. Тонкая белая линия морского горизонта заканчивалась вдали очертаниями берега Чили.

Зеленая барка была весьма дряхлым суденышком. Много лет подряд возила она гуано от жарких чилийских островов до европейских гаваней. Но сейчас в ней не находилось ничего, кроме песка с камешками. Вся внутренность ее была старательно вымыта и выцарапана. Для многочисленной команды между деками устроили койки. Однако, ничто не могло уничтожить острого аромата прежнего

отвратительного груза. Запах гуано с годами пропитал каждую доску барки и никакая сила не могла его больше вытравить.

Белый ялик качался на волнах за кормой барки, а в капитанской каюте сидел сеньор Сильва, которого ялик доставил сюда с чилийского берега. Он беседовал с капитаном Кэтль.

— Да, — промолвил он, — сеньорита будет очень разочарована.

— Я уверен в этом! — ответил капитан. — Я и сам был не менее одурочен. Когда в Каллао я впервые увидел этот грязный, вонючий, плавающий чулан, то готов был тут же на месте сесть и завывать от злости. Ведь нанимая людей, я наговорил им, что «Адмирал Тохрейн» — великолепный, новый, вооруженный крейсер, с которым мы натворим кучу чудес. Чорт возьми! Я и сам знал свое судно только по названию. И вот, когда агент вручает мне сие душевное фиалковое ложе, поверьте, я думал, что меня хватит удар.

— Здесь произошло чудовищное надувательство! — согласился Сильва.

— Я пришел к выводу, — продолжал Кэтль, что вором является сам агент, а потому не слишком с ним церемонился. В какие-нибудь три минутки я так его отделал, что он и до конца следующего месяца еще не сможет проплясать фанданго. Он клялся всеми святыми, что он тут не причем. Возможно, что так оно и есть. Но свою взбучку он тем не менее заслужил: каков хозяин, таков и слуга.

— Но ничего другого вы все-таки не получили?

— Да, это верно! Мне ничего другого не оставалось, как принять этот букетик. Свою команду я завлек на борт, вывел из гавани и направил в море. Поверьте, сеньор Сильва, для пароходного капитана очень мало радости промышлять с подобным старым корытом. И все же, как только я повстречаюсь с одним из военных судов президента Квиарры, я тотчас же примусь за него.

— Я и приехал сюда по поручению сеньориты, чтобы сообщить вам, что «Канцелярию» стоит на якоре в бухте Тампик. Правда, эта вещь теперь вам бесполезна. «Канцелярию» — прекрасное новое судно в три тысячи тонн и снабжено не только машинами последней конструкции, но и отличной артиллерией. А вы с вашей зловонной, маленькой баркой, конечно, не осмелитесь и близко подойти к такому судну.

— Я тертый калач, м-р Сильва, и не так легко дам сотворить из себя посмешище. А посему вы можете совершенно спокойно передать сеньорите, что «Канцелярию» мы заберем, если только он пробудет в бухте до тех пор, пока я не подойду к нему на достаточно близкое расстояние.

Некоторое время сеньор Сильва молчал и пораженный смотрел на капитана. Наконец, сказал:

— Но тогда вы должны питать огромное доверие к своей команде, капитан?

Кэтль закусил кончик своей сигары.

— Взгляните сами на моих людей и вслушайтесь в их разговоры, тогда вам станет понятно. Ведь они с наслаждением растерзали бы меня на куски!

— Но как же вы справились с ними?

— Пришлось очень туго, когда вместо чудесного судна, живописной поездки и т. д., я мог предложить им только этот пахучий флакон. С помощью моего револьвера и злого языка я не мог бы одолеть команду в шестьдесят человек, а потому сказал, что «Адмирал» только переправит нас на борт великолепнейшего крейсера. Так они взойшли на борт. Вот тут-то и начались неприятности с пищей, помещением для сна и т. д. Так шло одно за другим, пока я не принужден был парочку острых парней пристрелить, прежде чем остальные догадались, что на этом судне глава — я.

— Мой бедный друг! — сказал Сильва, неожиданно впадая в жалостливый тон. — Вы жертвуете собой совершенно напрасно. Что вы сделаете с этой парусной баркой и парой ружей против такого превосходно вооруженного судна, как «Канцелярию»?

— Стрельбой немного! — ответил капитан Кэтль весело. — Ведь и с оружием надул нас этот великолепный агент. На борту имеется целая масса бочек, на которых стояло «патроны». Когда же я вскрыл одну из них, чтобы раздать несколько штук для упражнений, то оказалось, что бочки набиты порохом. И вдобавок, даже порох тот, что употребляют для мин, а вовсе не для стрельбы. Да-с, м-р Сильва, со своим агентом донна Клотильда здорово нарезалась.

Сильва всплеснул руками.

— Капитан! — воскликнул он. — Вы идете на самоубийство, нападая при таких условиях на «Канцелярию»!

— Лучше поговорим об этом после! — ответил капитан Кэтль. — В настоящий же момент я должен выполнить приказание и оправдать свои двенадцать фунтов в месяце.

* * *

В ярком лунном свете виднелись очертания бухты Тампик. На море, носом в бухту, стояла зеленая барка. У самого города, подобно черным обрывкам тени, высились мачты стоящего на якоре новенького крейсера. Шиферного цвета баркасик скользил по направлению к входившей в бухту барке.

Капитан Кэтль вышел из каюты на палубу и с напряженным вниманием наблюдал за приближением баркаса. Он уже план составил как заграбастать «Канчелярио», а тут вот, по-видимому, что-то собирается встать ему поперек дороги. Команда также замечала приближающийся баркас. Любопытные лица теснились у перил. Все высказывали свои предположения о тех, кто так доверчиво к ним приближался.

Подали сходни и из серого баркаса вышла дама. Капитан Кэтль вздрогнул и сейчас же спустился ей навстречу. Минуту спустя он все еще не мог опомниться, во сне это или на наяву расхаживает он взад и вперед по палубе с донной Клотильдой.

Беседа между обоими длилась недолго.

— Я настоятельно прошу вас, — сказал Кэтль, — опять туда же вернуться, откуда вы появились. Вы должны согласиться, что это дело я и без вашего верховного наблюдения доведу до конца.

— Должно быть ваш план очень опасен? — спросила она. — Вот и объясните его мне.

Капитан исполнил это в нескольких словах. Он говорил очень энергично, но донна Клотильда оставалась совершенно холодна. Она выслушала его, нисколько не изменившись в лице.

— А, мне кажется, — сказала она, — это вам удастся.

— Удастся мой план или нет, это выяснится в течение этого часа, донна Клотильда. Но ваш баркас мне мешает. Как я сообщил вам, мои собственные лодки я совершенно испортил. И если только до вашего маленького судна можно будет добраться, то даже страх перед акулами не удержит мою команду от прыжка за борт. «Канчелярио» они дьявольски боятся.

— Вы совершенно правы, капитан, баркас должен быть удален. Но вот он уже отвалил и без меня. Я буду здесь вашим гостем до тех пор, пока вы не посадите меня на «Канчелярио».

Капитан Кэтль нахмурил лоб.

— Не дело женщины, уважаемая мисс, участвовать в этой схватке.

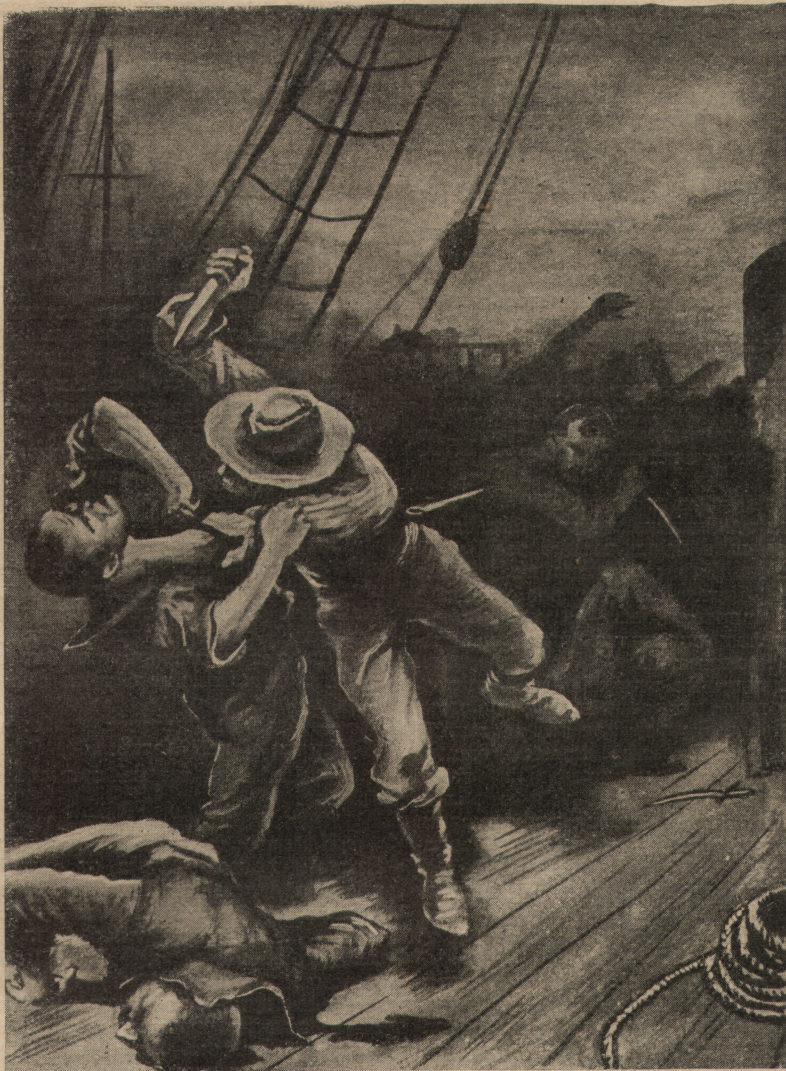
— Это вы предоставьте уже моему собственному усмотрению. Видите-ли, капитан, мы разного мнения о том, что может и чего не может женщина. Вы находите, что женщина не может стать президентом республики, она не должна, по вашему, принимать участие и в схватке. Я же вам докажу, что женщина прекрасно может участвовать как в одном, так и в другом.

Она перегнулась через перила и отдала приказ своему баркасу, который бесшумно, точно серый водяной дух, исчез в темноте.

— Видите? — задорно повернулась донна к капитану. — Теперь волей-неволей я остаюсь у вас.

— Очень хорошо, сеньора! В таком случае, менее чем через четверть часа мы будем на борту того военного судна.

Своему рулевому он приказал созвать команду на палубу. Но, вместо того, чтобы дожидаться людей, он неожиданно нырнул в отверстие каюты. Собравшаяся команда, дожидаясь капитана, скучившись, глазела на донну Клотильду и делала на ее счет всевозможные предположения.

Работали одни ножи.

Через несколько минут капитан Кэтль возвратился на палубу с открытым веселым лицом. Засунув руки в боковые карманы своей тужурки, он остановился перед своей командой, которая, хорошо зная опасные причуды маленького варвара, держалась тихо и выжидаательно. Кэтль сразу перешел к делу.

— Когда в Каллао, — начал он, — я подобрал вас на эту вонючку, друзья мои, то заверил вас, что она должна только переправить вас на борт прекрасного военного судна. Ну, так вот, там стоит это судно, прямо под носом нашего судна. Имя его «Канчелярио» и, кажется, в настоящий момент, это судно является собственностью президента Квиарры. Но вот эта дама, на службе у которой мы все состоим, собирается утвердить новое правительство, а потому ей требуется это судно. Следовательно, забрать его для нее должны мы.

Капитан Кэтль приостановился, целую минуту царил молчание. Затем один из людей принялся смеяться и дюжина других подхватила его.

— Отлично — воскликнул Кэтль. — Смех лучше слез. А теперь я расскажу вам, что сейчас делал внизу? Ведь вы помните еще боченки с порохом? Некоторые из вас сами расставляли их в кладовой. Ну, так вот,

они и по сей час там, но теперь они вскрыты и в одной из них торчит конец фитиля. Фитиль отрезан настолько, что гореть он будет ровно двадцать минут. Стой! Не нужно суетиться! Если ктонибудь тронет крышку люка, то пистолет, приделанный к ней, выстрелит прямехонько в бочки с порохом и мы как один взлетим на воздух. Спокойно, спокойно, голубчики. Я еще не кончил! Не думайте о лодках, пожалуйста. Они тотчас же распадутся, как вы только к ним прикоснетесь. Это я устроил еще прошлой ночью. И, наконец, вы сами видите за бортом акул, а потому, мне не нужно говорить вам, что плавание в этой бухте очень вредно для здоровья.

Команда зашевелилась, слышались взволнованные голоса.

— Если вы теперь не успокоитесь, — продолжал Кэтль, — то и последняя возможность спастись полетит к чорту. Если на крейсере заметят, что у нас на борту не все в порядке, они выдвинут парочку пушек и распушат нас прежде, чем мы успеем напасть на них. Ружей я дать вам не могу, но ведь у вас есть ножи, которых с вас вполне достаточно. Приткнитесь за обшивку и сидите тихо, пока

не услышите столкновения. Тогда разом выскакивайте на борт и всех на палубе в воду, а всех под палубой — в плен. Итак — тишина на судне и готовность к наскоку! Это ваше единственное спасение. Если же будете шебаршить, то взлетите на воздух.

В ужасе люди разбегались и притаились за обшивкой. Сам капитан Кэтль стал к рулю, и казалось, задремал над ним. Взад и вперед шевелил он колесо, спуская на один зубец, и постепенно поворачивал барку, пока, наконец, она не пошла прямо на крейсер. Палуба казалась вымершей. Среди ночи судно скользило подобно странному призраку. А глубоко в трюме тлеющий конец фитиля все ближе и ближе приближался к бочкам, мысленно провожаемый каждым матросом злосчастной барки.

Все ближе и ближе подходили к «Канцелярию». Притаившимся за обшивкой людям сердце подкатывалось к горлу. Двое упали в обморок. И вот, раздался крик с крейсера: А-оо! Спят у вас все, что-ли?

Капитан Кэтль продолжал дремать. Из темноты палубной каюты донна Клотильда могла наблюдать, как он склонился над колесом, точно человек, забывшийся в глубоком сне.

— Чорт возьми! Барка, эгой! Осадите! Наскочить что-ли, хотите вы!

Капитан Кэтль не отвечал. Механически шевелили его руки зубцы колеса. Свет компасного фонаря упал на его крепко закрытые глаза. Он играл превосходно.

Чилийцы орали, но было уже поздно: предотвратить столкновение они не могли. И едва только оно случилось, как раздался такой оглушительный вой, точно неожиданно раскрылась пасть преисподней.

Как один человек, поднялась команда барки из своей засады, перелезла на крейсер и накинулась на ничего не подозревавшую дежурную команду. Обезумевшая от страха и ужаса, эта накипь человечества, как их прозвал Кэтль, билась со злостью отчаяния.

Чилийцы были вооружены немногим лучше своих противников. Вахтенные сделали один выстрел и это был единственный выстрел, раздавшийся в продолжение всей этой схватки. Работали одни ножи. Кто их вахты не убежал вниз, тот был выброшен за борт. А внизу, разбуженные люди без обиняков сдались направленному на них револьверу Кэтля. Двое головорезов спустились вниз и принудили сдаться кочевара с машинистом.

В момент были подняты якорные цепи. Пары были разведены уже заранее и вот, со скоростью шестнадцати узлов, «Канцелярию» вышел в открытое море под командой капитана Кэтль. Немного спустя, сзади донесся грохот взрыва и к небу взметнулся ослепительный столб пламени. Люди содрогнулись: они действительно были всего на один волосок от смерти. Пара вонючих тлеющих головешек старой барки-гуано упала на палубу «Канцелярию».

Донна Клотильда взойшла на капитанский мостик и схватила Кэтля за руку.

— Мой друг, — сказала она, — этого я никогда не забуду!

В выразительном взгляде ее темных глаз виднелось больше, чем простое удивление перед смелым победителем. Покраснев и отвернув голову в сторону, она продолжала:

— Капитан, такого мужчину, как вы, я желала бы иметь мужем.

— Небо, да пошлет вам более лучший вкус, донна Клотильда! — ответил Кэтль сухо. — В мире, наверное, есть много мужчин, подобных мне.

— Таких больше нет.

— В таком случае, вам придется удовольствоваться таким, который больше всех похож на меня.

Донна Клотильда сильно топнула ногой по планкам мостика.

— Как вы непонятливы! — воскликнула она.

— Нет, сеньора, — отвечал он, — я все понимаю. Может быть вы сойдете теперь вниз и приляжете немного. Или же вы хотите дать сперва свои дальнейшие распоряжения.

— Нет! — ответила она. — Прежде всего мы должны разрешить этот вопрос. Вы имеете жену в Англии, я знаю, но она в счет не идет. Развод здесь очень легок. Я имею большое влияние также и на церковь. В двадцать четыре часа вы могли бы стать свободным. А разве я не такая женщина, которую вы бы выбрали, будучи свободным?

— Донна Клотильда, вы мой хозяйин!

— Отвечайте на мой вопрос.

— А в таком случае, если вы настаиваете — нет! Вы не та женщина.

— Но почему? Отчего? Скажите мне причину! Вы храбры. Разве я не доказала, что тоже обладаю мужеством? Ведь такой мужчина, как вы, должен ценить это.

— Это как раз тот пункт, уважаемая мисс, в котором мы с вами расходимся. Я предпочитаю оставаться мужем своей жены. Не находите ли вы, что лучше нам оставить эту тему?

— Нет, — отрезала донна Клотильда. — Дело должно быть решено. Мое желание вам известно. Женитесь на мне и я сделаю вас богатым и известным. Чили будет лежать у ваших ног; мир должен склониться перед нами.

— Со всем глубочайшим уважением, сеньора, пусть это будет раз навсегда сказано: этого я не сделаю!

— Вы или исполните то, чего я желаю, или покинете этот пароход. Я даю вам один час для размышления.

— Предоставляю вам вместо себя, своего второго штурмана, как своего лучшего офицера! — ответил Кэтль.

Донна Клотильда молча покинула мостик.

Маленький моряк подождал немного, чтобы сохранить достоинство. Потом он вздохнул и отдал несколько приказаний, исполненных командой весьма стремительно. Машины «Канцелярию» застопорили и спустили лодку. Капитан Кэтль передал команду своему второму офицеру, спустился с мостика и направился в каюту. Здесь сидела дама. Обе скрещенные руки она положила на стол и спрятала в них лицо.

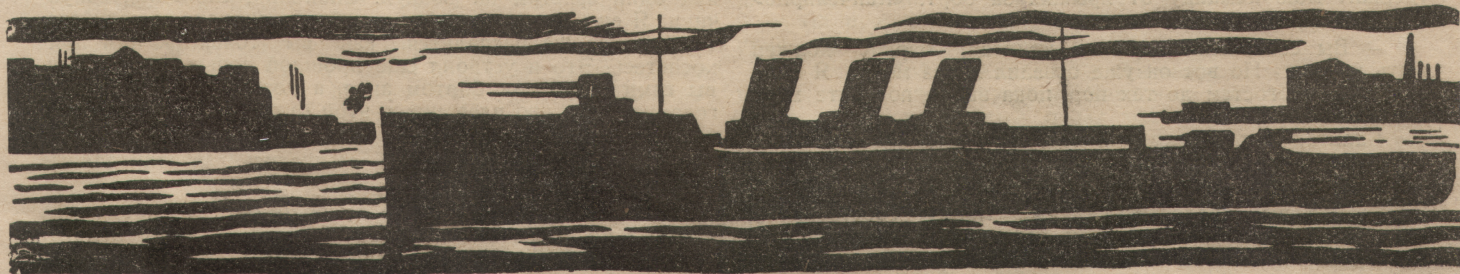
— Итак, вы желаете, чтобы я ушел уважаемая мисс? — обратился к ней Кэтль.

— Да, если вы не примете того, что вам было предложено.

Капитан Кэтль поклонился и вышел на палубу.

Немного спустя он одиноко сидел в своей лодке. Полным ходом уходил от него в ночную даль «Канцелярию». И далеко сзади, в бурлящей килевой воде его, подпрыгивала на волнах маленькая лодка.

— Да, — размышлял Кэтль, — еще одно прекрасное дело пошло к чорту! Ведь и на самом деле я изрядно непокладистый мужик! — Но затем его мысли опять унеслись куда-то в другое место. Он вытащил из кармана лист бумаги, огрызок карандаша и усердно принялся царапать элэгию. Пара стихов о цветах мака и пшеничном поле пришли ему на ум и показались чересчур прекрасными, чтобы тотчас же не записать их. Капитан Кэтль всегда становился лириком после самых неприятных моментов своей жизни. Стихотворство служило ему таким же утешением в несчастье, как некогда старому Боэдию — философия.

ВОЗДУШНЫЙ ФЛОТ

В МИРНОЕ И ВОЕННОЕ ВРЕМЯ

Горячий спор идет за границей о значении воздушного транспорта в обстановке мирной жизни, равно как о роли воздушного флота в будущей войне. Одни учитывают последние достижения в авиационной технике и полагают, что именно воздушные машины не только быстро вытеснят все остальные средства сообщения и передвижения в мирное время, но они же будут играть решающую роль и в будущих военных столкновениях. «Все это музыка далекого будущего» — возражают им другие. — В настоящее же время и представить себе нельзя, чтобы сухопутные и морские средства сообщения уступили свое место воздушным путям, одинаково в мирной и военной обстановке.

Гражданская авиация, т. е. пассажирская, почтовая и грузовая, конечно занимают видное место в современной жизни, но она даже и мечтать не может не только о замене, но даже о соревновании с морским и сухопутным транспортом. Если на земле или на море груз не нужно поддерживать или нести, а только проталкивать его вперед, то иначе обстоит дело на воздухе, где машина должна не только продвигать груз вперед, но также и нести его на себе. Так, напр., если один грузовой пароход вмещает в свой трюм 10.000 тонн груза, то все небо должно было бы почернеть от огромной флотилии в 2000 аэропланов, способных все вместе поднять одинаковую с одним пароходом тяжесть. А если сравнить грузоподъемность воздушного транспорта с сухопутным, то и это сравнение окажется опять-таки не в пользу воздушного транспорта. Так, напр., на одну небольшую грузовую площадку можно положить десять тонн, которые для своей воздушной перевозки потребовали бы не менее трех больших самолетов. Если же учесть, что в одном составе поезда таких площадок насчитывается до 40—60, то сколько же потребовалось бы воздушных машин для замены одного только поезда? А ведь товарные поезда отправляются сотнями почти в каждой столице европейских государств.

Словом, приходится признать, что в условиях нашей текущей жизни воздушный транспорт еще далек от того, чтобы заменить собою сухопутные и морские пути сообщения. Но мы несколько еще не решили этим вопроса о значении воздушного флота в будущей войне.

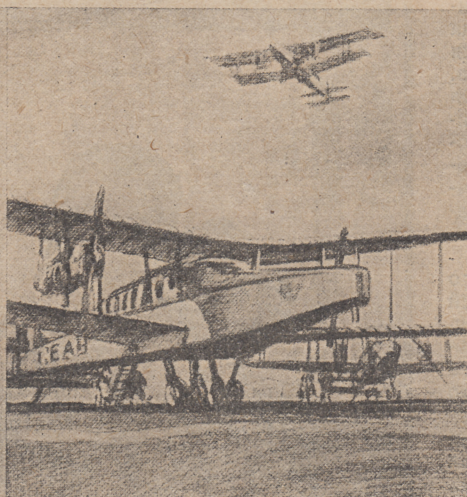
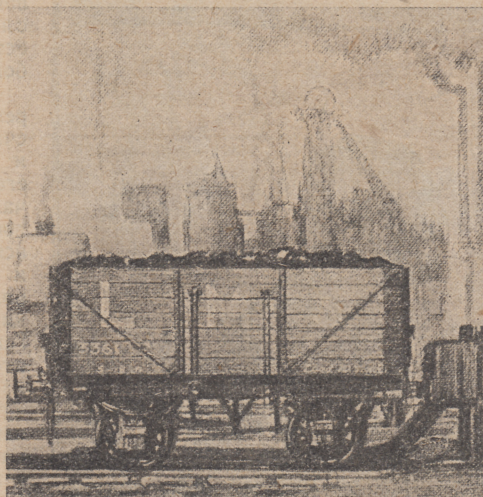
Минувшая война с полной убедительностью доказала огромное значение самолетов для глубокой разведки в тылу противника, где они часто производили серьезные разрушения главным образом путей сообщения. Теперь авиационная техника дает возможность самолетам не ограничиваться ближайшими к фронту участками, но целыми стаями налетать и на отдельные вражеские города, разрушая в них все средства вооружения и сообщения. Таким образом, воздушный флот уже перестает быть одним вспомогательным средством для сухопутной армии или морского флота, но

приобретает и самостоятельное значение. Конечно, даже беззащитный Шанхай не мог быть занят одними английскими аэропланами, хотя бы они уничтожили половину его своими бомбами, заодно отравив удушливыми газами добрую часть его китайского населения. Занять и удерживать город возможно только при одновременной поддержке сухопутных или морских сил, но подготовить это занятие, наведя

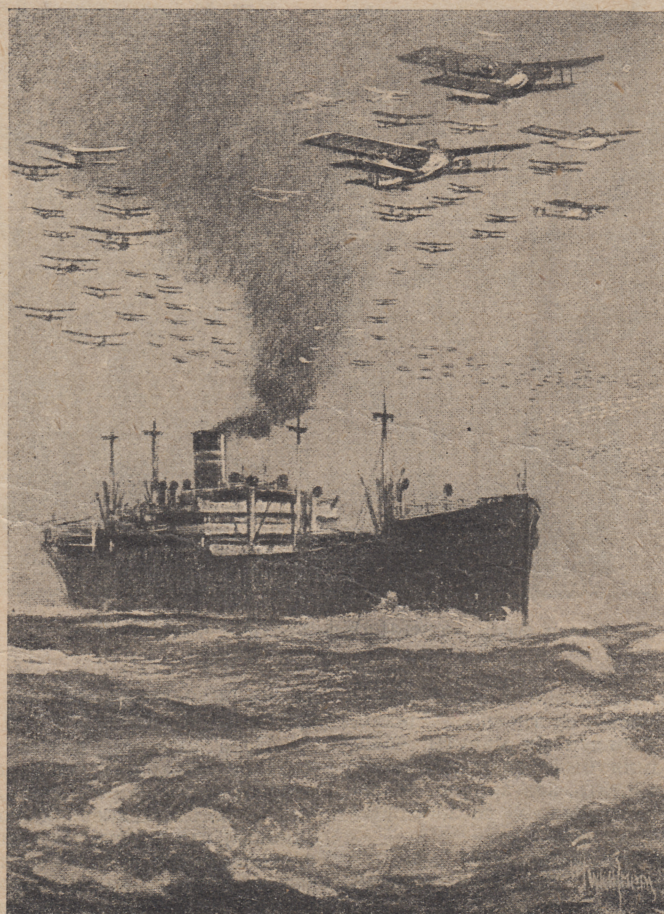
панику на войска противника и разрушив его разнообразные пути сообщения и вооружения — это уже задача воздушного флота.

Да и на море для самолетов открыто широкое поле деятельности. Здесь точно также их сила в неожиданном, массовом нападении и возможно более широком разрушении. И гидропланы, подобно подводным лодкам, не будут разбиваться в бумажках встречных ими пароходов, чтобы проводить их затем в свой ближайший порт. Бомбометание — вот чем единственно может здесь воспользоваться военный гидроплан.

Словом, о воздушном военном флоте, нет таких разноречивых взглядов, как в вопросе о воздушном транспорте. Боевые воздушные силы хорошо войну открывают и всемерно содействуют ее удачному завершению. Правда, радиус действия воздушных машин еще ограничен 450 — 500 километрами, но ведь и это расстояние более чем достаточно для успешного действия бомбометов. Вот почему в сухопутной армии воздушный флот перестал уже считаться одним подсобным средством, а считается ныне таким же самостоятельным родом оружия, как пехота, артиллерия и кавалерия. Да равным образом и на море имеются особые авио-матки с целыми воздушными эскадрильями.

Перевозка груза на одной площадке потребовала бы трех больших аэропланов.

Груз одного парохода могли бы поднять не менее 2000 аэропланов.

ВОЗМЕЗДИЕ ГУЛЬБАШ-ХАНА.

Рассказ Э. Эванса.

Эта история начинается около Басры в Месопотамии и заканчивается около Банну, на северо-западной границе Индии. Точнее говоря, самое начало ее разыгралось на палубе М 57, двухколесного казенного парохода, ходившего вверх и вниз по Тигру и Евфрату.

Пароход-то и привез с собой настоящего, живого бригадного генерала, а я должен был сопровождать его до местоположения полков, которым он захотел произвести смотр.

Когда я вступил на палубу, единственным находившимся на ней лицом оказался адъютант генерала. Он приветствовал меня с тем покровительственно-ободряющим видом с которым «штабные» обычно относятся к младшим полковым офицерам.

— О! Как это заботливо с вашей стороны! — сказал он, когда я вкратце объяснил причину моего появления. — А это ваши славные солдаты? Они великолепны! — продолжал он, указывая на двух сипаев, оставшихся на берегу и державших под уздцы двух пони. — Генерал выйдет через несколько минут, — продолжал он, не переставая полировать ногти окожу своих верховых бриджей.

Но генерал заставил ждать себя еще меньше. Заглушенное рычание внутри парохода, становившееся все отчетливее с каждой секундой, указывало, повидимому, что он в любой момент покажется на палубе. В почтительном молчании смотрели мы на дверь кают-компаний, когда генерал, наконец, появился, — о ужас! — в нижнем белье!

Я был потрясен. До этой минуты я ни разу еще не видал генерала в таком виде, в одном белье, да еще из вылинявшего дешевого ситца.

Генерал Х. не всегда бывал вспыльчив и после обеда он обычно впадал даже в благодушное настроение. Однако, в некоторые опасные для его подчиненных минуты, чаще всего до завтрака, его физиономия была способна наливать кровью, а его язык мог работать, как змеинное жало. Не обратив внимания на мое приветствие, он со злобным спокойствием обратился к своему адъютанту.

— Прошу осведомить меня, предполагается ли, что я буду производить смотр воинским частям в нижнем белье?

Адъютант недовольно засмеялся:

— Э-э — нет, сэр! Согласно воинскому уставу...

— Дурак! — рявкнул генерал.

Я почувствовал, что пропасть между мной и адъютантом менее глубока, чем она показалась мне вначале, и что полковая служба имеет свои преимущества.

— Заметьте себе, если вы в состоянии сделать это, не переутомляя своего драгоценного ума, — продолжал генерал, — что в настоящий момент я, повидимому, обладаю только теми частями одежды, в которых я стою сейчас здесь и надеюсь, что вы до некоторой степени попытаетесь оправдать получаемое вами жалование, выяснив, что случилось с моим остальным гардеробом.

После многих смиренных воплосов несчастного адъютанта и жестких ответов его взбешенного начальства, обнаружилось, что решительно вся одежда генерала и весь его туалет, вплоть до зубной щетки, исчезли из каюты. Генерал решил, что это дело рук одного из пароходных лакеев, адъютант же его обязан был предвидеть такую возможность и заранее ее пресечь.

Когда всю команду судна включая капитана и его помощника, обыскали и подвергли перекрестному допросу, то все, как один человек, заявили, что им ничего неизвестно о генеральской одежде.

Эта кража (если предположить, что это была именно кража) казалась совершенно непонятной. С одной стороны, если преступники были простые воры, то они создали себе уйму лишних хлопот, ставив множество никому, кроме самого владельца, ненужных вещей, вроде старых сапог, военных справочников и т.д. С другой же стороны, был оставлен в неприкосновенности находившийся в салоне серебряный столовый прибор генерала; да и каюты остальных пассажиров остались целы.

не было также никаких оснований предположить, что преступники питали личную ненависть к генералу.

Пока капитан, вполне уверенный в своей команде, пытался установить, каким образом злоумышленники могли взобраться на борт парохода, а мы недоверчиво помогали ему в его расследовании, полки в это время ждали смотра. Заметив, что и генералу приходит на память это недовольное обстоятельство, я осмелился высказать предположение, что кто-нибудь из офицеров моего полка может на время смотра предоставить генералу подходящую форму.

— Первое разумное предположение из всего, что я до сих пор слышал! — проворчал генерал.

— Я сейчас сам отправляюсь туда, сэр.

— Что я буду производить смотр в нижнем белье?

Я нашел своего начальника торопливо «подчитывающим» военные инструкции. Он знал, что сегодня ему предстоит решающий «экзамен» и чувствовал себя не в своей тарелке. Я поспешно объяснил ему положение вещей, отчего физиономия старого З. еще больше позеленела.

— Ух! Воображаю, каким чортом он зайвится! — сказал он и тотчас же перерыл все свое имущество в поисках того, что можно было бы предоставить генералу. Наконец, мы наскребли вполне приличествующую экипировку и я галопом пустился с ней обратно.

Генерал остался доволен этим френчем, а также парой новых сапог. Пока генерал облачался, на берег вывели его лошадей.

Сойдя с парохода, он в своем нескладном обмундировании направился к лошади, которая стояла смирно, как овечка, пока генерал не взобрался в седло. Тут она вдруг поднялась на дыбы и, не успев еще вставить вторую ногу в стремя, генерал был вынужден с жалким видом вцепиться руками в гриву непокорной кобылы.

— Чорт поберит! Что с ней такое? — заорал генерал, с налившейся кровью физиономией, окончательно расщипав от всех сыпавшихся на него неудач. — Отпустите же ее, дурачье вы этокое!

Моментально мы вскочили на коней и пустились по направлению к месту смотра. Лошадь генерала все время нервничала. Обернувшись ко мне, генерал крикнул, чтобы я проехал вперед. Я прищипорил моего пони, но как только очутился с генералом, его кобыла, как это свойственно лошадям, захотела обогнать меня.

Генерал с проклятьем потянул ее за узду и в то же время яростно ударил хлыстом моего пони, чтобы заставить его проскочить вперед. В итоге мы все понеслись бешеной рысью, грозившей перейти в неуправляемый галоп. В довершение несчастия, лошадь денщика, которую он с величайшим трудом все время удерживал, окончательно вышла из его повиновения и помчалась впереди остальных. Словом, мы прибыли на поле смотра в облаках пыли и в обратном, чем полагается по старшинству чинов, порядке.

Дальнейшие события этого злополучного дня оказались роковыми для нашего батальонного командира, майора З. Нам было неофициально известно, что от результата генеральского смотра зависело производство З. в командиры полка. Наш прежний командир внезапно умер от воспаления легких, находясь в отпуску, в Англии, а выбор его преемника колебался между майором З. и другим офицером нашей колониальной армии. Майор З. был неплохим служакой, но этот смотр оказался для него сущей пыткой. Пунцовая физиономия генерала и его ядовитый язык привели бедного майора в полную растерянность.

После парада была произведена «тактическая демонстрация», во время которой майор допустил все известные командному составу ошибки и вдобавок изобрел еще несколько новых. Он разместил свои резервы в таком месте, где они при всяких обстоятельствах оказались бы бесполезными, оставил свои пушки без всякого прикрытия, чтобы любая часть противника могла бы захватить их, а одно крыло войск, как говорится, повесил в воздухе. Короче говоря, не было ни одного тактического промаха, которого бы он не совершил. Офицеры героически старались искупать его ошибки, но самое преданное в мире сотрудничество не могло бы загладить этого ужасного провала.

День закончился кошмарным, по общему настроению, банкетом. Майор прекрасно сознавал, что его карьера разлетелась вдребезги. Все мы легко вздохнули лишь тогда, когда генеральский пароход скрылся за изгибом реки.

Через полтора года после этого происшествия, я решил использовать мой десятидневный отпуск для охоты в туземных деревнях, откуда были родом некоторые сипай нашего полка. Потратив целый день, чтобы перевалить через горы, я добрался до одной из пограничных деревень, в которой жило несколько бывших солдат нашего полка.

После обычного угощения из курицы с рисом, мы уселись на пороге одной хижины. Я лениво окинул взглядом ее внутренность. Нельзя сказать, чтобы она была загромождена мебелировкой; все убранство состояло из пары гамаков для сна, цыновки, нескольких глиняных горшков и голых стен, с одной из которых свешивался кусок пестрой ткани. Он был прикреплен булавкой офицерского знака отличия. Тут я заметил, что это был знак чина бригадного генерала.

— Гульбаш Хан! — шутиливо обратился я к хозяину хижины. — Я всегда знал, что многие из твоих предков

были солдатами, но я и не подозревал, что один из них был бригадным генералом.

Увидев на что обращен мой взгляд, Гульбаш Хан рассмеялся. Заинтригованный, я спросил его, каким образом попал в его руки этот трофей. И вот тогда-то, после долгих уговоров с моей стороны, Гульбаш Хан рассказал мне историю этого трагикомического приключения генерала.

— Однажды, несколько лет тому назад, я очутился пленником в моей собственной хижине. Со мной был и мой брат — не Шираз Хан, который сейчас отбывает службу в полку, а другой — хромым. С нами находилась и наша сестра, из-за которой мы и попали в это трудное положение.

Один юноша из племени Мата Кхель хотел на ней жениться. Он обратился за согласием к моему брату. Отец и мать у нас умерли и я, как старший, являюсь главой семьи. Поэтому, когда я приехал в отпуск, брат сообщил мне об его предложении, но я отказал жениху: предложенный им выкуп показался мне недостаточным, да и породниться я хотел с другим племенем.

Узнав о моем отказе, юноша племени Мата Кхель пришел в негодование и угрожал силой отнять у нас девушку. Мы были вынуждены запереться в хижине, в то время как юноша и его друзья заняли позиции на окружающих холмах. Как только мы высовывали наружу хотя бы один палец, тотчас же раздавался свист вражеской пули.

Однажды ночью я прокрался в деревню, где пытался найти помощь, но Мата Кхель были могущественным племенем, а наша деревня — легкой добычей, поэтому старейшие из наших хотели избежать всего, что могло бы вызвать раздоры с этим племенем. К тому же некоторые из нашей деревни считали, что сипай немногим лучше полицейского. Словом, я встретил мало сочувствия и еще меньше поддержки, а потому решил возвратиться в полк, добиться отпуска для моего брата Шираз Хана и одного своего друга, чтобы вернуться с ними обратно.

В полку я узнал, что командир уехал в отпуск в Вилаит (Англию). Тогда я явился к сагибу майору и рассказал ему все. К моему удивлению, он отказал в моей просьбе и заявил, что уже и без того много наших солдат находится в отпуску и я напрасно тревожу его из-за таких пустяков. За повторную просьбу я попал под арест.

Да, сагиб, удивительная вещь кисмет (судьба)! Что написано на челе человека, то и сбывается. Прежде чем я был освобожден из-под ареста, до меня дошла весть, что неизбежное свершилось: в одну из ночей, когда мой брат уснул от усталости, юноши племени Мата Кхель подкрались к хижине. Они взорвали порохов дверь и хотя мой брат дрался, как лев, но что может поделать один человек, к тому же хромым, против дюжины нападающих? Его убили на глазах у моей сестры, а ее похитили. — Если бы я с моими друзьями отправился домой в ту ночь, когда я вернулся в полк, мы прибыли бы за два дня до нападения. Кисмет!..

Но мы с братом не могли с честью оставить нашу службу в полку, предварительно не сведя счетов с майором. После долгих обсуждений мы оставили мысль об убийстве; хотя майор был причиной гибели нашего брата, но незаслуженно посадив меня под арест и тем самым лишив меня нашивок, он должен был за мое бесчестье поплатиться бесчестьем же.

Мы откладывали наше возмездие, пока полк не был послан в Месопотамию. Как раз в это время стало известно, что старый сагиб командир умер и мы случайно подслушали разговор начальника нашей части с туземными офицерами о том, что предстоит смотр, от успеха которого зависело повышение в чине майора.

Это и внушило нам план нашей мести.

Тайком выбравшись из лагеря, мы поджидали в десяти милях вниз по реке появления парохода. Если вы припомните, пароход, проходя извилистые изгибы реки, пользуется только одним колесом. Поэтому, наместив наши тела, мы подплыли к нему, когда он огибал один из таких изгибов и, незамеченные, влезли на борт по другому неподвижному колесу. Мы без труда нашли каюту генерала, — он спал с большим шумом, — и вынесли из нее все его вещи.

Прежде чем покинуть пароход, для большей уверенности в успехе нашего замысла, мы засунули небольшой гвоздик в подкладку седла генерала: под тяжестью седока он должен был впиться в спину лошади и сделать ее непокорной.

Вы сами помните, конечно, каким успехом увенчалось наше намерение.

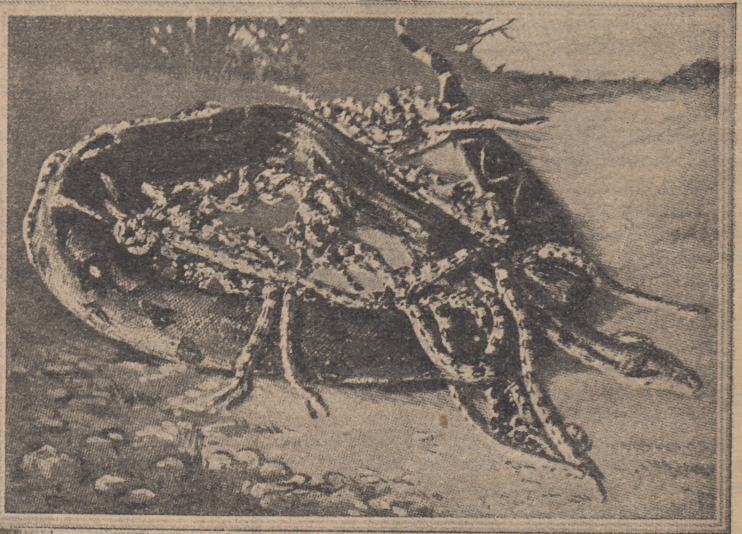

ПОД ТРОПИКАМИ

ЗМЕИНЫЕ ПОРОДЫ ЖАРКИХ СТРАН

Удав на о. Кубе, длиною в 4 метра, дру-
жески обвился вокруг своего хозяина.

Редкий снимок с только-что вылупившегося из своих
яиц выводка королевских змей.

Голодающая анаконда „Саломея“, длиною около
8 метров.

Удав, которому растягивающиеся челюсти позволяют
проглотить добычу вдвое и втрое шире его самого.

Отвратительная голова скалистого пифона, од-
ного из самых свирепых представителей змеи-
ной породы.

Незадачливая лягушка.

Змея часто и основательно пакостит человеку. Гигант-
ская анаконда в Зоологическом саду Филадельфии (Соедин.
Штаты) точно также выводит из себя администрацию сада тем,
что вот уже более года отказывается принимать какую-либо
пищу. — Удивительная растяжимость челюстей свойственна
одинаково ядовитым и неядовитым экземплярам. — Поразительна
быстрота, с которой движутся и бросаются эти пресмыкаю-
щиеся; кобры и гремучие змеи жалят так, что их голова в это
время бросается вперед с быстротой, напоминающей свист бича.

Очерк Лесника.

Один конец нитки привязан к пруту толщиной в карандаш, на другой конец ее прикреплен крошечный крючок с насаженной на него обыкновенной мухой... Для гибели уклеи почти все уже сделано!

Очень хорошо, если муха живая и закинутая в воду «тарачится» на крючке: на такую приманку уклеи бросаются стаей наперебой. Но, и на мертвую муху, на полмуху, на отрывок червяка всегда найдется

охотница лишь, бы насадка плавала по воде: улейка непременно клонет. Улейка, повидимому считает своим долгом клонуть всякую дрянь в тот миг, когда дрянь касается поверхности воды, а в следующий миг, бросив приманку, воришка, сверкнув точно серебряная стрелка, стремглав несется в глубину, чтобы оттуда через минуту опять сверкнуть и опять клонуть. Кто злоумышляя на улейку, держит удочку?... Обычно человек, вступивший в шестую-седьмую весну своей жизни, очень скоро он примечает плутовские повадки своей рыбы и научается «подсекать» как раз в тот миг когда улейка клюет. Впрочем, при этой ловле все просто и все на виду: прут, нитка, муха, крючок, рыба, рыбак — все.

Очень жалко, конечно, но милейшая рыбка при всей ее красоте и приятном характере не годится решительно никуда, не имея никаких качеств: ни питательных, ни вкусовых. Она настолько лишена жира, что даже кошка, если не очень голодная, уклеи не ест. Население тех местностей, где совсем нет рыбы, улейку покупает, а привозят туда улейку с озера Ильмень или с Белого озера, где она по временам, как выражаются местные рыбаки, валом валит и где «сшивкой», т.е. особыми неводами из мелкоячейной сети, улейку ловят по 30—40 пудов в одну тоню. Там же собирают ее блестящую чешую для выработки из нее искусственного жемчуга. Фунт чешуи, собранной по особым правилам, продается за 3 р. 50 к. Сколько рыбок должны отдать свои серебристые одежды за такую сумму?

Заставка М. Колесникова.

Впрочем, мальчишки улейку ловят везде, ловят со страстью и ее хватает на всех счастливых рыбаков, не имеющих понятия ни о каком жемчуге.

Следующие жертвы юного рыболова — ерш и мелкий окунь. Эти грубиянчики, наоборот, нисколько не плутуют, приманку заглатывают наглухо вместе с крючком, но берут ее не иначе, как со дна. Не хотят ли показывать грубость своих приемов или же рассчитывают в полутьме дна безнаказанно утащить вкусного червяка? Кто их там разберет... Если вместо червяка на крючок насадить комочек смятого черного хлеба и пустить на дно, то ни ерш, ни окунь хлеба не тронут, а является плотва краснотлазая, серебристая, с красными плавниками. Красавица также финтит и юлит около насадки, как улейка около мухи, и рыболов, уже набравшийся опыта в течение двух трех лет жизни, по пляске поплавок видит, кто там с крючком шалит. Едва поплавок окунется — знак, что плотва потащила насадку — следует подсечка и... плотичка в ведре или корзинке. От красавицы-плотвы, впрочем, еще меньше толку, чем от улейки: уха из плотвы горька, а жареная плотва слишком костлява.

Ряд рыб, к сожалению, отличается такими же отрицательными качествами: красивы, а в сущности никуда не годятся. Язь, покрытый крупной, золотисто-красноватой чешуей, с ярко-красными плавниками, бойкий и сильный, достигающий значительного веса, может напугать юного рыболова упорным сопротивлением, когда почувствует, что жало крючка вцепилось ему в губу. Это желанная добыча для рыбака, но дома, в кухне, язь встречают плохо:

— Костей девать некуда, а от самого только рыбный запах, больше ничего.

Толстогубый подуст и серебристый широкий синец, совсем напоминающий леща, несмотря на их иногда почетные размеры, также приветствуются хозяйками не иначе, как презрительным наименованием кошачьего кушанья.

И рыболову это, конечно, обидно: он не кошку, а человека хочет угостить рыбой.

На уху ершей, пискарей, окуней, удочкой наловить можно, но не всегда и не везде: их нужно сотню поймать, а это не так просто. Подпуском — другое дело. Из конских волос, преимущественно белых, сплетается бичевка толщиной в утиное перо, длиной метров в 40—50, и к ней на равных расстояниях прикрепляются «колена» — короткие лески, скрученные в два-три волоса, конечно, с крючками. На один конец подпуска вешают пробку, а на другой гирию. И в том месте, где гирия, подпуск, спущенный по

течению, привязывается к мосту или к «наплову», т.-е. к палке, установленной посредством груза на середине реки.

К «наплову» подъезжают на лодке. После двух-трех неудач, кончающихся иногда путаницей, а то и потерей оборванного подпуска, приобретается сноровка, умение быстро выхватить наплов из воды, уложить его в нос лодки, а самому перебежать, поддерживая конец подпуска, в корму, где подпуск выбирается и осматривается.

Это уже серьезная снасть, и тут возможна встреча с крупной рыбой. Подпуск, в силу своего устройства, располагается по течению дугой, захватывая все слои воды, начиная со дна, где елится гиря, и кончая поверхностью, по которой плавают пробка.

Глухой и сильный толчок в руку, едва вынувшую гирю, дает рыбаку знать, что там, в глубине, кто-то попался... Пospешно, но осторожно, выбирается подпуск, складываемый кольцами, чтобы он не спутался, и вдруг что-то белое, красное, кувуркаясь и упираясь, тянет подпуск под лодку... А, крупный окунь, полосатый, горбатый, толстый, пучеглазый! С этим можно не соблюдать осторожности, он сидит на крючке так прочно, что его придется снимать: он, очевидно, проглотил пескаря или ерша, попавшегося на червяке. Но, если в прозрачной воде блещет широкий круг золотистого, красноперого леща, или серебряный синец с бледно-голубыми плавниками, то тихонько таяни свой подпуск, рыбак! Осторожно, без малейшего резкого движения, подводи рыбу к борту и с удвоенной осторожностью, но не зевая, подцепляй ее сачком! Нежны толстые губы этих ленивых, широких рыб и, соблазнившись червяком, они вяло берут в рот крючок, не глотают его почти никогда и зацепляются им чуть-чуть. Иногда на крупный крючок, плавающий около пробки подпуска, наживляют, т.-е. прицепляют к крючку плотичку, окунька, пескаря, и живца хватает бегающий по верху хищник: щука, судак, жерих. Последний называется также водяной конь: так он может беситься и прыгать. Если живца на подпуске схватит щука или судак, то возня с ними порядочная, но когда попадает на подпуск жерих, то это скандал на всю реку. Водяной конь бешено тащит из стороны в сторону весь подпуск, а на нем иногда попало несколько больших и малых рыб... Путаница подпуска в таком случае неизбежна, но, кроме того, все это дергается, плещется, выскакивает из воды и вновь в нее погружается, пока конь не утомится в сачке или, сорвавшись с крючка, не исчезнет в глубине. Голавль, богатырь с голубой спиной, схватив живца с подпуска, может задать представление не хуже жериха, но их обоих и верней и интересней ловить на удочку, предлагая им живца на перекатах, где они любят плескаться в шумной струе в полдневный жар.

Обычную разбойницу щуку и очень крупных окуней всего проще ловить на жерлицы.

Над омутом, над яром, над глубокой ямой, вымытой внешней водой у куста, висит на удильце деревянная рогулька с намотанной на нее бичевкой и слегка подрагивает: кто-то потягивает ее за конец бичевки, уходящий в воду... Попалась рыба? Нет, это живец гуляет на крючке. Вот, если бичевка рогульки размотана, натянута и удильце согнуто, тут сладко замирает сердце рыбака... Попался, схватил, утащил наживку и, почувствовав крючок, затаялся в яме. Тут борьба коротка, груба и если снасть достаточно крепка, победа рыбака обеспечена.

Чтобы поймать самую крупную рыбу наших вод — сома — нужны: грубая снасть, какая попало насадка и очень большое терпение. Подбирая по дну реки всякую дрянь и падаль, сом без малейшей осторожности возьмет все, что ему предлагают: мертвую рыбу, гнилое мясо, внутренности птиц. Видит ли он плохо или тяжело раздумывает:

взять или не взять? Последнее, повидимому, вернее, но так или иначе, а сом иногда две-три недели мучит рыбака: вот плещется, вот ходит тут, а не берет. Поймать сома и скоро можно, но не очень просто. Нужно сначала поймать в болоте несколько вьюнов, что очень грязно и неприятно. А затем необходимо научиться так насаживать на крючок вьюна, чтобы он свободно плавал, не засыпая. Вот эту приманку сом видит с чрезвычайной быстротой! Должно быть, зрение у него не так плохо. И над вьюном он не раздумывает, а спешит его взять. Вопрос в том, выдержит ли снасть пудовую тяжесть и бешеное сопротивление. Но по большей части рыбак предварительно не раз видит, с кем имеет дело — сом по зарям плещется на отмели вьвяв — и соответственно соображает свои средства.

В жаркие летние дни иногда точно хлопья снега летят над зеркалом реки: то, отыграв однодневную жизнь, тучами несется беловатая бабочка-поденка и гибнет, усеивая воду миллионами крыльев, бьющихся в последних содроганиях. Всевозможная рыба, не исключая самой крупной, хватается поденку с жадностью. Вот тут рыбаку испытание: умеет ли он, рыбак, владеть удочкой.

Искусственная поденка или две связанных настоящих, с крючком между ними, закинутые на длинной леске в два вслоса, должны лечь на воду так легко, так нежно, как падает умирая маленькая бабочка. При малейшем всплеске или резком подергивании наживки, рыба ее не берет, а надлежащее искусство, вырабатываемое опытом и упорным трудом нескольких лет, вознаграждается богатейшей добычей: на жалкую бабочку клонет десятифунтовой судак или лещ с большой поднос величиной. Да затем, не угодно ли эдакую рыбку выводить до утомления на тончайшей леске, с крошечным крючком!

К августу темнеют ночи, светлеет начинающая холодеть вода. Резвые стаи уклейки исчезают; теперь уклейка, та, что покрупнее, берет со дна и на червяка, как будто и путная рыба, подумаешь! Ее, серебристую, хорошо тут же предложить толстому большому окуню. Этот простой, хотя и не добрый малый, уклейку любит: он охотно ест ее, живую и мертвую, вольную и сидящую на крючке жерлицы, глотая без всякой осторожности. И дело иметь с ним просто: жерлицу с уклейкой даже без удильца, а просто привязав к ветке, поставил у куста, свесившегося с глубокой промоины берега, а сам ушел на ближнюю лужу, разгромил там выводок запоздавших крикв или стайку чирков, вернулся обвешанный добычей, а тут ветка изогнулась к воде, бичевка жерлицы размотана и натянута как струна... Давай его, давай сюда, пучеглазого разбойника!

В ясный осенний день, когда река, как бы предчувствуя скорый ледяной плен, сверкает холодным блеском стекла, из желтеющей уже осоки отмели, стремительно кидается щука на завертевшуюся в быстрине блестящую рыбку... Цап! Сама попалась, зубастая: схватила блесну. Прыгай, прыгай, крутись, леска тянется да тянет к лодке. Вдруг, когда уже готов сачек, чтобы подцепить ее, щука как-то отчаянно вывертывает хвостом и, оставив рыбаку искривленную ее зубами блесну, исчезает... Бывает, однако, что и попадаются порядочные, килограммов этак на десять.

В это время на червяка рыба по реке перестает брать, а клонит из омутов, глубоких ям, куда она собирается на зимовку. Найти такую яму трудно, но нашедший ее счастливый рыбак может на одну удочку натаскать рыбы до полного своего удовлетворения, а это иногда очень много.

На мертвую рыбку можно с успехом ловить налима до заморозков и... после заморозков, ставя донные удочки ночью с фонарем. Но это ловля уже почти по льду, это другое дело и, следовательно, особая статья.

Лесник.

■■■■■■■■■■

О правильном дыхании

ЧТО ТАКОЕ ДАХАНИЕ?

Организм человека построен по принципу механического двигателя. Если мы разберем двигатель обычного автомобиля, мы увидим, что движение происходит за счет сгорания внутри него горючего материала; такое сгорание создает известную энергию, которую можно превратить в движение. Во взятый нами за пример автомобильный двигатель вводится бензин и воздух с кислородом; вместе они образуют газ, который дает вспышку, если его зажечь электрической искрой.

В «человеческой машине» роль бензина играют усвоенные человеком и соответственно переработанные питательные вещества, которые, при соединении с кислородом (полученным через легкие), также образуют своего рода вспышку, которая двигает мышцы тела; для получения вспышки нужна также искра, но не электрическая искра, а «волевая искра», нужно, чтобы человек проявил желание сделать данное движение, чтобы нервная система дала определенный толчок. А так как тело наше производит движения не только сознательные, но и огромное количество необходимых для жизни бессознательных движений, «вспышек» происходит много, и каждый раз при этом остаются в качестве продуктов сгорания (как зола в печке в результате сгорания дров при наличии все того же кислорода) углекислота и вода, которые организм и должен выделить, углекислоту через легкие, воду — в виде пота и иными путями.

Вот откуда и происходит в теле человека постоянный газообмен — принятие кислорода и выделение углекислоты.

Дыхание принадлежит к бессознательным движениям человека, т.е. человек дышет, не делая каждый раз сознательного движения для вдоха и выдоха; дыхание происходит вследствие того, что углекислота действует раздражающе на нервный центр, заведующий дыханием; чем больше вырабатываются углекислоты, тем сильнее раздражение, и тем чаще и глубже приходится дышать.

Но, если дыхание происходит непроизвольно, это, во-первых, еще не значит, что оно производится правильно, а, во-вторых, человек может своею волею воздействовать на глубину и частоту вдоха и выдоха

Обычно, когда у человека скопится много углекислоты, т.е., когда он произвел большую работу и устал (обычно это выражается в одышке), он начинает дышать быстрее нормального: такое поверхностное дыхание не дает положительных результатов, так как в случае очень быстрых дыхательных движений кровь не успевает забрать с собой нужное количество кислорода.

Нормально человек дышет в минуту 16—18 раз; в детском возрасте чаще, без движения реже. При усиленных физических упражнениях число дыхательных движений (вдох + выдох) может дойти до 70 в минуту, но не должно было бы превышать сорока.

Нормальная вместимость легких при вдохе около 3.300 кубических сантиметров, но при каждом отдельном вдохе обновляется не все количество воздуха, имеющегося в легких, а всего только 500 кубических сантиметров; следовательно в минуту человек обменивает $7\frac{1}{4}$ литров воздуха; однако, не весь этот воздух представляет собою тот кислород, который на деле человеку нужен; в воздухе содержится только 21% кислорода; так как при выдохе из легких воздух содержит уже только 16% кислорода, ясно, что человек нормально потребляет из каждого вдоха только 5% по объему кислорода, что все же, составляет в сутки около 570 литров. Само собою разумеется, что при физической работе, а тем более, при физических упражнениях количество вдыхаемого воздуха увеличивается; уже при хорошей прогулке количество вдыхаемого воздуха (в том числе и кислорода) увеличивается в $2\frac{1}{2}$ раза, при восхождении на горы — в 4 раза, у велосипедиста и бегуна на большие

расстояния — в 6 раз, при беге на скорость — до 15 раз; самое большое увеличение было отмечено у гребцов — в 20 раз.

Из всего сказанного ясно вытекает, что человек должен был бы обращать больше внимания на свое дыхание и должен был бы уметь распоряжаться им по своему усмотрению.

Наиболее важно в этом отношении:

1) заботиться о том, чтобы емкость легких была достаточно большой, т.е., чтобы легкие могли вместить большой

запас воздуха; мы уже говорили, что нормально легкие взрослого человека вмещают 3.300 кубических сантиметров воздуха; эту емкость можно значительно увеличить; наблюдались случаи, когда емкость легких доходила до 5.500 кубических сантиметров и даже больше;

2) заботиться о том, чтобы грудная клетка была подвижной; это важно потому, что при подвижности грудной клетки, легче обновляется запас воздуха в легких, следовательно, всегда может быть обновлен в большей мере и запас кислорода, потребного для физического труда или для физических упражнений: очень объемистая, но неподвижная грудная клетка не приносит человеку пользы;

3) заботиться о том, чтобы скорость дыхания и глубина дыхания поддавались управлению; это даст возможность соразмерить дыхание со степенью физического усилия, отдалить время наступления одышки и быстро избавляться от нее.

Посмотрим же, каким путем можно добиться этих результатов.

ЕМКОСТЬ ЛЕГКИХ.

Для того, чтобы увеличить емкость легких предлагались различные способы; в прежнее время охотно советовали заниматься с этой целью дыхательными упражнениями в самом простом их виде, т.е. рекомендовали проделывать несколько раз в течение дня глубокие дыхания, стоя на месте. В настоящее время это мнение признано ошибочным: глубокие дыхания без сопутствующих им движений в слишком большой дозе могут даже оказаться вредными, потому что избыток кислорода кровью не усваивается и, если организм в усиленном притоке кислорода не нуждается (если он не производит физического усилия), глубокое дыхание пропадает зря; но при глубоком выдыхании, которое неизбежно следует за глубоким вдыханием, из организма выбрасывается слишком большое количество углекислоты, а чрезмерное обеднение организма углекислотой ведет к болезненным явлениям.

Поэтому для увеличения емкости легких нужно обязательно делать глубокие дыхания совместно с физическими упражнениями и, преимущественно, с такими движениями, для которых потребны большие массы мышц. Поэтому наиболее ценны будут не движения руками, не обычные, так называемые, дыхательные упражнения, а такие движения, как бег, подвижные игры и т. п., при которых особенно усиленно работают богатые мускулами ноги и, вообще все мышцы тела. Но важно, конечно, стараться дышать при таких упражнениях не бессистемно, а сознательно, не поддаваясь стремлению дышать часто и поверхностно; поэтому правильно было бы сначала учиться делать сравнительно легкие и медленные упражнения и потом только, научившись делать с дыханием простые движения, переходить к более сложным. Будут, поэтому, вначале полезны не быстрые подпрыгивания на месте, (рис. 1 и 2) выпады (рис. 3),

Рис. 1 и 2.

Рис. 3.

полуприседания и приседания (рис. 4) с движениями рук или без них; делать такие движения с нормальной скоростью дыхания, т.е. по 15 — 20 движений в минуту с тем, чтобы каждое движение сопровождалось вдохом и выдохом; следить за тем, чтобы вдох происходил в момент расшире-

ния грудной клетки и выпрямления тела, а выдох при сужении грудной клетки и сгибании тела. В приведенных выше упражнениях выдох должен делаться в момент выпада и в момент приседания, а вдох — в момент возвращения в первоначальное положение; при подпрыгиваниях вдох должен приходиться на момент подскока, выдох — на момент приземления. Когда человек научится справляться со своим дыханием при таких простых движениях, он сможет перейти на более быстрые или более высокие, или же более сложные прыжки (с промежуточными движениями рук и ног), а затем и к ходьбе и бегу на месте и с продвижением, приучившись правильно и равномерно дышать, человек сможет уже дышать таким образом и во время увлекательных подвижных игр.

Для измерения емкости легких имеется специальный аппарат — спирометр. Он состоит из двух цилиндров, вложенных один в другой. Когда испытуемый наберет полные легкие воздуха, он начинает выдыхать его в наружный цилиндр через резиновую трубку, подымая давлением воздуха внутренний цилиндр. Стрелка с циферблатом автоматически показывает при этом количество кубических сантиметров выдохнутого воздуха.

ПОДВИЖНОСТЬ ГРУДНОЙ КЛЕТКИ.

Улучшение подвижности грудной клетки должно идти рука об руку с увеличением емкости грудной клетки. Это улучшение зависит, главным образом, от усовершенствования работы мышц, содействующих вдоху и выдоху; к таким мышцам принадлежат некоторые крупные мышцы (как, например, диафрагма или грудобрюшная преграда) и целый ряд мелких мышц, преимущественно управляющих движениями ребер, составляющих грудную клетку.

Само собою понятно, что работа этих мышц улучшается и при всех тех упражнениях, которые увеличивают емкость грудной клетки, но было бы полезно дать дыхательным мышцам специальные упражнения для ускорения их развития.

Для этой цели должны были бы служить те «дыхательные упражнения», которые входят в довольно значительном количестве в каждую гимнастическую систему. Они помогают улучшить механику дыхания.

Большинство таких упражнений производится стоя на месте, при чем делаются руками движения, которые содействуют возможно большему расширению грудной клетки в различных направлениях.

Таковыми движениями могут быть: встать с опущенными руками и медленно (в такт дыхания) поднять руки вверх и в стороны до высоты плеч и как можно дальше назад (рис. 5); держать руки согнутыми в локтях у плеч и медленно поднимать их вверх, поворачивая кисти ладонями вверх (рис. 6); держать руки со сжатыми кулаками перед грудью и затем медленно отводить локти назад (рис. 7);

при всех таких упражнениях несколько откидывать при вдохе туловище назад и закидывать назад голову можно также приподниматься на носки. Можно делать такого рода упражнения также сидя и лежа, как показано на рисунках 8 и 9. При выполнении таких упражнений в подмогу к упражнениям, влияющим на увеличение емкости легких, крупные и мелкие мышцы, способствующие дыханию, быстро развиваются и начинают легко работать.

Рис. 5.

Рис. 6.

Подвижность грудной клетки измеряется простой сантиметровой лентой: нужно измерить объем грудной клетки на высоте сосков во время полного вдоха и полного выдоха. Разница между этими двумя измерениями и представит относительную подвижность грудной клетки. Нормально она должна была бы равняться 5—8 сантиметрам.

ДЫШИ ЧЕРЕЗ НОС!

Большое значение имеет и сам способ дыхания. Рекомендуется дышать обязательно через нос, а не через рот; ртом, правда, можно набрать в легкие большее количество воздуха и в более короткий срок, и поэтому, при резких физических упражнениях, например, при беге на скорость,

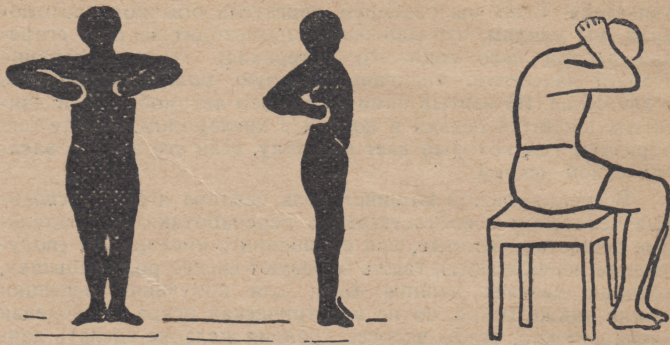

Рис. 7.

Рис. 8.

приходится иногда делать резкий вдох через рот, но обычно следует дышать через нос, делая таким путем и вдох, и выдох. Именно нос содержит аппарат для очистки воздуха, а тот воздух, который мы вдыхаем (особенно в городах)

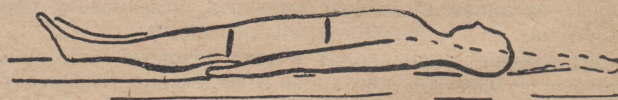

Рис. 9.

бывает чрезвычайно загрязнен пылью, мелкими частицами различного происхождения, наконец — микробами; при дыхании через рот все то попало бы в легкие, нос же задерживает посторонние и вредные вещества и микроорганизмы; выдыхать через нос рекомендуется для того, чтобы выбросить обратно задержанное.

УПРАВЛЕНИЕ ДЫХАНИЕМ.

Нормально вдох больше подчиняется воле человека, выдох — меньше; при этом вдох дается человеку легче и происходит в три раза скорее выдоха. В обычной жизни это не представляет неудобства, но при занятии физической работой часто недостаточная быстрота выдоха и недостаточное умение управлять выдохом, причиняют затруднения.

Поэтому, очень полезно, совершенствуя мышцы, способствующие дыханию, не забывать, что этому улучшению нужно подчинить и мышцы, способствующие выдыханию, а затем нужно делать такие упражнения, которые научили бы ускорять и делать более энергичным выдох.

Лучшим упражнением этого рода будет скорая ходьба, а позже и бег, с распределением дыхания на известное количество шагов.

Пример: быстро ходить в течение трех минут, при чем в первую минуту делать один вдох в продолжение трех шагов и один выдох в продолжение других трех шагов; таким образом, мы искусственно подгоним скорость выдоха к скорости вдоха; в течение второй минуты делать вдох на три шага, выдох — на пять шагов; в течение третьей минуты вдох на четыре шага, выдох на два шага.

Второй пример: в первую минуту делать вдох на шесть шагов, выдох тоже на шесть шагов; во вторую минуту делать вдох на восемь шагов, выдох — на 12 шагов; в третью минуту вдох на шесть шагов и выдох на два шага.

Третий пример: первая минута вдох на два шага, выдох на 12 шагов, вторая минута вдох на 12 шагов, выдох на два шага; третья минута вдох на пять шагов, выдох на 5 шагов.

Такие приемы можно разнообразить по своему усмотрению и подметить тот прием, который наиболее подходит для данного организма и для данной работы.

Во всяком случае, нужно стремиться к тому, чтобы вдох и выдох занимали одинаковое количество времени; тогда в дыхании получается ритмичность, а всякая работа особенно производительна и сравнительно мало утомительна, когда она производится ритмично; работать же ритмично можно особенно легко, когда и дыхание происходит в определенном ритме.

А. Дюперрон.

ЧТО ДУМАЛИ О НАШЕЙ ЖИЗНИ 100 ЛЕТ НАЗАД?

Людам свойственно пытаться заглядывать в будущее, строить самые фантастические предположения о жизни в грядущие века. Государственное устройство, техника, наука, наконец, сами люди, их отношения между собой, какими будут они в далеком завтра, невольно привлекают наше внимание, порождают многочисленные утопии, фантастические романы, длинный ряд художественно-литературных, а зачастую и серьезно научных произведений, в свою очередь, ярко отражающих культурный уровень своего времени.

Наше время, когда особенно много выходит таких книг, не является чем-либо исключительным. И наше столь обычное, простое для нас время представлялось людям начала XIX, XVIII в.в. чем-то странным, полным всяческих неожиданностей и чудес.

Сохранилось любопытное письмо декабриста Александра Бестужева, писанное им своей матери из Риги в августе 1824 года.

Вот что рассказывает Бестужев, среди описаний города, своего времяпрепровождения, дел и т. д.

«Раза два был в театре; актеры дурны; забавила только одна пьеска — «Берлин в 1924 году». Там представлен мужик на паровой сохе, дилижанс на шаре, письменная почта в бомбах, растительная помада, от которой посеянные на головах цветы расцветают в 5 минут для бала, а платье шьется прямо на теле в миг; белый медведь вместо посыльной собачки, автомат — секретарь, выючные киты и тому подобные глупости, якобы вероятные в будущем веке».

Как наивно звучат эти предположения. Жизнь далеко опередила фантазию и мужик пашет землю не на паровой сохе, громоздкой и неудобной, а пользуется трактором, подвижным и мощным.

Дилижансов на воздушных шарах, правда, у нас нет, но зато в воздухе пролегли постоянные регулярные линии стальных птиц, перевозящие и почту, и людей, и грузы. Пневматическая почта удобнее несколько рискованной «письменной почты в бомбах», а невидимое, но могучее радио с успехом заменяет «белого медведя на посылках».

И если у нас не растут на головах цветы и в пять минут не распускаются розы, то зато в Ярославской губернии выращивается и плодоносит свободно растущий на открытом северном воздухе виноград.

То, что казалось таким невозможным одному из умнейших и культурнейших людей своего времени, жизнь осуществила с избытком.

И кто знает — не покажутся ли наши утопии столь же наивными и смешными людям XXI — XXII веков.

ЗЕЛЕНОЕ ЛИЦО.

Среди населения Сталинградской губернии замечается любопытное явление. Кожа крестьян приобретает зимой явственный желтовато-зеленый оттенок.

Объясняется это явление очень просто. В зимнее время крестьяне, а в особенности казаки, свято блюдущие посты, употребляют в пищу в большом количестве рыжиковое масло (из растения родственного горчице). Это масло обладает способностью при постоянном его употреблении придавать коже ясный зеленый оттенок.

Летом же, когда на стол крестьянина попадает в большом количестве молоко, и коровье масло, зеленая краска кожи исчезает и она приобретает свой обычный вид.

Качающийся мост.

Это большое и диковинное сооружение находится в Чанчамайю, Перу. На первый взгляд этот мост очень ненадежен, но в действительности по нему может проехать даже автомобиль. Правда, в таких случаях весь мост прямо ходит: ужасно горбится и страшно раскачивается даже при тихом ходе машины.

В № 12
„ВОКРУГ СВЕТА“
будут помещены результаты нашего
первого конкурса
„ЖИВАЯ ЦЕПЬ“

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ В № 11

Боевой флаг.

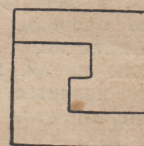
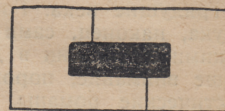
Подсчет голосования.

Потеря оппозицией 11 голосов, зачтенных при первом подсчете в пользу голосовавших за данное предложение, составила в сумме разницу в 22 голоса. Эта разница, т. е. 22 голоса, составила на 1 голос больше, чем $\frac{1}{4}$ меньшинства при первом подсчете, поэтому одна треть сидевших равна 21 чел.; всего же, следовательно, осталось сидеть 63 чел. Число вставших, будучи на $\frac{1}{4}$ больше, равнялось 84. Общее число голосовавших было 147 чел.

Дележ яблок.

Девочек звали: Анна Джонс, Мэй Робинзон, Джэн Смит и Кэт Броун.

Диаграмма показывает, какая белая часть флага может быть разрезана на подобные фигуры, которые вместе составят квадрат.

Качели.

На одной стороне доски сидят пять мальчиков, на другой трое. Путем вычеркивания одинакового количества, на одной стороне остаются два. На одной стороне сидят шесть девочек, на другой же трое. После такого же вычеркивания на одной стороне остается 3 девочки, сохраняющих равновесие против двух мальчиков на другой стороне. Следовательно, вес девочки составляет $\frac{2}{3}$ веса мальчика. Итак, при 8 мальчиках на одной стороне доски, для ее равновесия потребуется поместить на другую сторону 12 девочек.

О ПРЕМИЯХ

Целый ряд премий по первому нашему розыгрышу до сих пор остался незатребованным нашими читателями.

Редакция будет ждать заявок на эти премии до 1-го июля, а после этого все оставшиеся невостребованные выигрыши будут включены в наш второй, июльский розыгрыш.

Редакция извиняется перед своими читателями за помещение в № 9 нашего журнала рассказа Краспинка „Записка Анке“... Оказывается, что этот рассказ был уже напечатан в 1925 году на страницах одного из распространенных у нас журналов, но под другим названием и за подписью настоящей фамилией этого нечистоплотного автора (Шпанов).

Выход нашего третьего приложения (Игн. Ломакин „Бриг Мортон“) задержался по техническим причинам.

КНИГИ ПО ФИЗКУЛЬТУРЕ, СПОРТУ, СТРЕЛКОВОМУ СПОРТУ.

Дюпперон—Тренировка физкультурника, 50 коп. И. П. Мюллер—моя система 15 минут ежедневной работы ради здоровья 80 коп. Пиотровский—Збер и его естественный метод физич. воспитания, 50 коп. Н. Лысенков и Г. Синельников—анатомо-физиологические основы физкультуры человека, 2 р. А. С. Золотухин и П. Н. Соколов—научно-врачебный контроль над физическим развитием, в переплете 2 р. 25 коп. Физкультура—полный курс под ред. проф. Игнатова и Романова, с 123 рис., 2 р. 25 коп., Кутейников—легкая атлетика, 60 коп. Ф. Борисов—велосипед, 45 коп. Козлов—футбол, ручной мяч, баскетбол, 35 коп., Козлов—городки, русская лапта, итальянская лапта, волейбол, 80 коп., Трунин—физкультура летом, 40 коп., И. Герд—игры на вольном воздухе, 1 р. 90 коп., Г. Бессак—игры физкультурника, 75 коп., С. Белополюский и В. Горчин—сборн. вольных упражнений, 45 коп., А. Дифр—спорт и физич. воспитание под наблюдением врача, 75 коп., А. Жемчужников—водный спорт, плавание и гребля, 50 коп., А. Железняк—как научиться плавать, 22 коп., Рудницкий—лечение солнцем туберкулеза и других болезней, 1 р. Рудницкий—вод., в воздухе и солнце в лечении болезней, 80 коп. В. Алкалав—стрелковый спорт, 40 коп. Филатов и Эвальд—определение расстояния до целей в стрельбе, 20 коп.

Заказы на все имеющиеся на рынке книги по физкультуре и спорту выполняются наложенным платежом немедленно.

Составление, пополнение и комплектование библиотеки по физкультуре и спорту.

Требования и деньги (можно марками) направлять по адресу: Москва, Малая Бронная, 10, помещ. 3, „КНИЖНАЯ ПОЛКА“.

МЕМОУАРЫ

Белы: мемуары—177 стр. Ц. 60 к., Рутенберг—Убийство Гапона.—152 стр. Ц. 75 к. Савинков, Б.—Конь вороной. 107 стр. Ц. 60 к. Богданович, А.—Три последние самодержца. 504 стр. Ц. 2 р. 50 к. Понкратов, В.—Жизнь в Шлиссельбургской крепости. 141 стр. Ц. 65 к. Пуришкевич.—Убийство Распутина. 88 стр. Ц. 40 к. Слободской, А.—Среди эмиграции. 199 стр. Ц. 70 к. Гиларовский, В.—Москва и москвичи. 126 стр. Ц. 1 р. Дневник. А. С. Суворина.—408 стр. Ц. 2 р. В. В. Шульгин.—Рыцарь черной сотни. 72 стр. Ц. 60 к. П. М. Васильевский.—Романы. 332 стр. Ц. 80 к. ПРИ ВЫПИСКЕ ВСЕЙ БИБЛИОТЕКИ ЦЕНА

ВМЕСТО 10 р. 50 к.—8 р. 50 к.

Заказы выполняются наложенным платежом

Заказы и деньги (можно марками) направлять по адресу: МОСКВА, М. Бронная, 10, помещение 3, „КНИЖНАЯ ПОЛКА“.

ВЫ ХОТИТЕ ИМЕТЬ ВЕРНЫЙ ЗАРАБОТОК?

Требуйте новую книгу проф. Ленинград. Полит. Инст. В. В. Вальгиса, сборник техно-химических рецептов и производственных советов, состав. по проверенным немецким, американским, английским и французским данным, 40 печатных листов, 600 стр., свыше 2000 всевозможных рецептов и практических советов по всем видам производства. С приложением алфавитного указателя основных процессов приборов и сырья, а также новые законы о кустарных и промысловых предприятиях. Цена сборника в переплете 6 р. 40 к. ЗАКАЗЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ.

Требования и деньги (можно марками) направлять по адресу: МОСКВА, Малая Бронная, 10, помещение 3, „КНИЖНАЯ ПОЛКА“.

Подобранный проспект высылается за 2 8-ми коп. марк.

САМОУЧИТЕЛИ

РЕМЕСЛ И ПРОИЗВОДСТВ

Куст. произв. из рога и кости, с рис. и рец. програв. и окраски их.—80 к. Починка резинов. галош, велосипед. и автомобиль. шин и др. предм. из резины.—60 к. Багетно-рамочное произв., с 13 рис.—80 к. Зеркальное произв. кустарн. раб. по наводке зеркал. 80 к. Работы из папье-маше, игруш. и др. вещи.—50 к.

ФЕЙЕРВЕРКИ. Как сделать самому. С 38 рис.—1 р. 25 к.

Набивка чучел птиц и животных, с 30 рис.—80 к. Плетение рыболовных сетей и вязание сеток, гамаков и мешков, с 44 рис.—60 к.

РЫБНАЯ ЛОВЛЯ всех видов во все времена года. Ловля рыбы на удочку, подпусками, сетями и др. снаряд., с 17 рис. и 8 худож. таблицами пород рыб. 112 рис.—1 р. 25 к.

Все издания 1927 года.

Иж. Папенгут.—Постройка летних и зимних домов, с атласом, 20 табл., 127 рис. 1904 г.—1 р. 50 к., в перепл. 2 р.

Цены указаны с пересылкой. С наложенным платежом на 11 коп. дороже. Небольшие суммы просим высылать вперед, можно мелкими почтовыми марками.

КНИЖН. М. П. ПЕТРОВА МАГАЗ. (б. стар. фирма А. Сухова).

Литр., Ново-Александровский рын., 93.

ВНИМАНИЕ!!!

НОВЫЕ КНИГИ:

А. А. ГОРЧАКОВ

ОПЫТНЫЙ РЫБОЛОВ ЛЮБИТЕЛЬ И РЫБНАЯ ЛОВЛЯ САМОДЕЛЬНЫМИ СНАСТЯМИ

около 100 рис. 1 р., с перес. 1 р. 30 к.

Г. Г. БРОДЕРСЕН

САМОУЧИТЕЛЬ ФОТОГРАФИИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

1) Фото в соврем. условиях Ц. 80 к. 2) Фото-репечтура. Ц. 90 к. 3) Фото-оптика и самодельные объективы. Ц. 90 к. 4) Фото-увеличение самодельным аппаратом. Ц. 60 к. Выписывающие все 4 книги вместе 3 р. 20 к. за 2 р. 80 к. с пересылкой

ЗА ЗАКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ

А. Фридлянд—Записки врача венеролога с предисловием проф. Б. Хольцова. Цена 1 р. 40 к., с пересылкой 1 р. 70 к.

ЗАКАЗЫ высылаются наложен. платежом.

Требования и деньги (можно марками) направлять по адресу: МОСКВА, Мал. Бронная, 10, помещ. 3, „Книжная полка“.

ДЛЯ ОВЛАДЕНИЯ НЕМЕЦКИМ ЯЗ.

не следует изучать его по устарелым методам. Наилучшим признан новейший метод МЕРТНЕРА, избавляющий от необходимости заучивания слов и правил. Самоучитель в 10 выпусках высылается за 2 р. 85 к.

Москва, улица Герцена, д. 9/17. „Русско-Иностранная Книга“.

10-2

1000 Слов английских

2-ое исправленное и дополненное издание.

Настоящий самоучитель построен на основах живой английской речи, которая по своей легкой форме и занятному содержанию дает возможность каждому пройти весь курс в 6 месяцев и тем самым подготовить себя также к чтению английской книги или газеты.

2 р. 50 к.

ЦЕНА ВСЕЙ КНИГИ ИЗ 15 ВЫПУСКОВ

2 р. 50 к.

Заказы направлять: Ленинград, Фонтанка, 57. „Красная Газета“.

„ВОКРУГ СВЕТА“

ЖУРНАЛ ПУТЕШЕСТВИЙ, ОТКРЫТИЙ, ИЗОБРЕТЕНИЙ
И ПРИКЛЮЧЕНИЙ НА СУШЕ, МОРЕ И В ВОЗДУХЕ

НАШ ВТОРОЙ КОНКУРС

ОБРАЗЧИКИ ЛЮДСКИХ ФИГУРОК

Мы предлагаем нашим читателям вплотную заняться уже известной им игрой в „СТОМАХИОН“, чтобы принять участие в нашем втором конкурсе на тему:

ЛУЧШАЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ФИГУРА

Образчики прилагаются.

КАКИЕ ЖЕ ПРЕМИИ?

Редакция просит самих участников этого второго конкурса наметить желательные премии, исходя из всех цен вещей, которые были об'явлены для нашего первого конкурса.

Фамилии выигравших премии, а также шести следующих лиц, составивших лучшие человеческие фигуры, будут напечатаны в журнале вместе с их решениями.

1-го августа последний срок отсылки фигурок с мест своего жительства.

Ленинград, Фонтанка, 57. Редакция „ВОКРУГ СВЕТА“

